

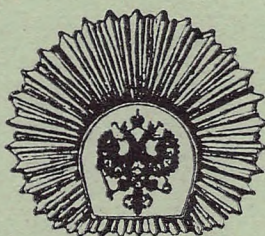
№ 21

НОЯБРЬ 1956 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 5 - й

ВОЕННАЯ ГАЗЕТА

LE PASSE MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ извещает, что в воскресенье 4 ноября, после Литургии, в Храме Знамения Божией Матери (87, бульвар Эксельманс, Париж 16) состоится возжение, перенесенной из Казабланки, Кадетской Лампады и панихида по основателе ее, кадете Первого Кадетского Корпуса

Митрофане Митрофановиче Колтовском

и кадетам-чинам Объединения, скончавшимся за истекшее лето.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
От Редакции	1
Давнее, повесть — Г. Месняев (продолжение) ..	1
Елисаветградское кавалерийское училище — полковник Фурман (продолжение)	1
Главы из повести «Пушкари» — П. Волошин ..	9
Дон-Кихота да ла Манча — Н. М.	12
Пластуны — В. Третьяков	12
Проданная сотня — П. Сушильников	14
Сторожевое охранение — полковник Немирович-Данченко	17
Гусарская застава — Изюмец	19
Случай на Царском смотре в Чугуеве — С. Мажаров	20
Не грусти — Иван Сагацкий	21
Из жизни Киевского кадета — Анатолий Непржецкий	21
Каска Русского образца — Владимир фон-Рихтер	23
Фельд-егерский корпус — Анатолий Марков ..	24
Александровское военное училище — Леонид Сейфулин	25
Хроника «Военной Были»	27
Обзор военной печати	28
Почтовый ящик	28

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и европейских странах — 1050 Франков с пересылкой. В странах заокеанских — 4 дол. 50 ц. В Германии — 12 мар.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, A. Guering.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16°). MIR. 72-55

5-й год издания

№ 21 НОЯБРЬ 1956 г.

Bimestriel. Prix — 180 fr.

ОТ РЕДАКЦИИ

Этим номером мы заканчиваем пятый год нашего журнала. Все затруднения и препятствия преодолены и «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», в настоящее время, имеет твердую материальную базу. По этой линии остается только увеличивать объем журнала и количество годовых подписчиков.

За пять лет существования, наш журнал глубоко проник в военную среду. Достаточно сказать, что подписи 79 военных сотрудников украшают его страницы. Нам уже не приходится го-

ворить о необходимости продолжать и развивать наше дело. Братья-кадеты и все Российские военные своей деятельной поддержкой, работой в журнале, покупкой и подпиской на него — оправдали труд Редакции и Обще-Кадетского Объединения.

Спокойно и уверенно, мы вступаем в ШЕСТОЙ год издания и на его пороге шлем низкий поклон друзьям, сотрудникам, техническим работникам Редакции и всем подписчикам и читателям.

ДАВНЕЕ

(Продолжение)

Война оказалась вовсе не такой, какой представлял ее Сережа. В ней не было лихих кавалерийских схваток, ни эффектных выездов батарей на позиции, ни густых пехотных колонн, со стеной нависших штыков, неуклонной поступью,двигающихся за развернутыми знаменами, под дробь сверкающих барабанов.

Зато было безконечно много боевого пота, крови, оттаивающих трупов, страшных ран, грязи, мокрых и мерзлых окопов, вшей, ночной тоски лазаретов и нескончаемых боевых будней.

Сережа узнал, что для войны нужны не столько лихость, удача, мгновенное геройство, сколько терпение, выносливость и готовность на неизвестное, долгое время, отказываться от всего того, что ценит человек в жизни.

На третий год войны, он уже почти полностью растерял свою юношескую восторженность, стал суше, осторожней, опытнее и благоразумнее. И все же, как не стремился он быть скептическим и даже циничным, как он не старался охладить себя, в глубине своей души он продолжал оставаться все тем же неисправимым романтиком, какими было, как это ни странно, большинство людей, посвятивших свою жизнь, казалось, столь неромантическому делу, как военное, кровавое ремесло.

Именно этот скрытый романтизм был причиной того, что революция была воспринята Сережей и

людьми, ему родственными по духу, как крушение всех основ их романтического мироощущения. Рухнувший строй был дорог Сереже, вовсе не потому, что он давал ему какие-либо материальные и другие блага и преимущества, коих, собственно, вовсе и не было, а потому, что он был источником благородства, чести, славы, достоинства и всего того, что делает жизнь содержательной, насыщенной поэзией и духовной красотой. Всякий другой политический строй казался ему прозаическим, деляческим, сухим, лишенным высоких принципов, почему, он не мог понять тогда, как можно быть настоящим офицером в республиканской армии и служить не Государю и Отечеству, а президентам, избирателям, депутатам, ценящим, по его мнению, шелест кредитных билетов в банкирских конторах, да плеск аплодисментов с парламентских скамей.

Естественно, что при таком умонастроении, Сережа был совершенно ошеломлен и потрясен, когда разнеслась весть о революции. Она не пришла неожиданно, долго и упорно назревая где-то в тылу, откуда струились и растекались в роты, командах, в окопах и офицерских землянках, слухи и толки о Распутине, о Государственной Думе, о речи Милюкова, и о многом другом, чего Сережа не хотел знать, что его безмерно смущало и от чего он тщетно старался отгородиться.

Это случилось тогда, когда еще стояла зима, и

высокие сосны, с изувеченными снарядами, макушками — были опущены снегом. Изломанная линия окопов, ходов сообщения и проволочных заграждений — как рисунки пером на белой бумаге — рисовались на снежных полях. Все, как будто, оставалось таким же, каким оно было до рокового февральского дня, но что-то порочное, подтачивающее и разрушающее — чувствовалось везде и во всем. Это новое было не только в том, что прапорщик Сахновский, а за ним и другие, надели красные банты, и поспешили счистить с эфесов своих шашек императорский вензель; и не в том, что в обращениях денщиков почувствовались нотки какой-то фамильярности, а, главным образом, в том, что на глазах у всех, каким-то непонятным образом, исчезло и таяло то неведомое и таинственное, что заставляло недавно людей чувствовать власть в городском, вооруженном тулой шашкой, и ей подчиняться.

Пасха в том году была ранняя — в начале апреля. Снег почти стоял и земля, изувеченная снарядами, изрытая окопами и загаженная, почти просохла и чуть зазеленела.

Батальон стоял в полковом резерве и солдаты, с какой-то новой, еще чуть заметной, распушенностью, лениво грелись на солнце и слонялись между землянками; некоторые уже не отдавали чести проходящим офицерам.

В землянке Сережи, командовавшего батальоном, собрались офицеры. На столе краснели пасхальные яйца. Разнокалиберные рюмки и стаканчики указывали на то, что предвидится выпивка. Гудели голоса. По рукам ходил пасхальный номер "Русского Слова", полный восторженного бреда, по поводу недавно совершившихся событий, которые, по мнению Яблоновского и Дорошевича, сулили России лучезарное будущее.

— Что вы мне толкуете о свободе, — кричал, уже отуманенный сомнительным самогоном, прапорщик Тимофеев, обращаясь к Сахновскому, доказывавшему ему, что, так же и во французской революции, чувство свободы окрылило народ на небывалые подвиги.

— Вы четыре месяца потолкались в училище — вот и офицер, — говорил он, — а я с первого дня войны в полку, да до войны восемь лет оттрубил... Подпрапорщиком вышел, четыре раза ранен; попогел и померз довольно... Что же все это к чорту должно идти? А вы — свобода! Да, кто же за вашу свободу воевать будет? Не слышали еще, что солдаты говорят?

Красное лицо Тимофеева топорщилось фельдфельскими рыжими усами, в громадных узловатых руках дрожала рюмка, расплескивая жидкость на стол.

— Иван Лукич, — спросил Тимофеева Сережа, — вот вы солдат знаете получше меня, хоть и я с ними четыре года бок-о-бок трусь... Скажите, почему у них такая злоба к офицерам? Ведь одинаково пулям головы подставляем, вместе в окопах мерзнем... Сознаюсь, этого смутьяна Ларионова и других ловчил и трусов, в боях не раз палкой подымал и по морде бил... Но, ведь, не в этом же дело?

Тимофеев улыбнулся. Он был доволен тем, что спрашивают его мнения.

— Это-то верно, — сказал он, — и пули, и виш, и окопы — для всех одинаковы... Однако, все это то, да не то... Он, солдат шрапнель, да чечевицу лопаёт, а вам денщик в судочках из собрания котлетки (он сказал: коклетки) носит, у него на ногах портянки преют, а вам тот же денщик носочки стирает. Вот, к примеру возьмем эту землянку — не редкость, конечно, а все же — сухо, тепло. А ему где погреться, да посушиться? Вот он и думает: офицер потому и хочет воевать, что хорошее жалованье получает, ест хорошо, чисто ходит... Главное же дело в том, Сергей Алексеевич, что вы и во вшах и грязи, а все барин, а он мужик, и это понимает.

— Классовая ненависть, значит? — сказал кто-то.

— Ну, уж я там не знаю, что за классовая ненависть, а, вот зависть, это действительно, — сердито закончил он.

Разошлись поздно. Немного отуманенный, Сережа поднялся по ступенькам из землянки, подышать воздухом. Тучи туманили небо. Ветер тихо шумел в вершинах сосен. Ни одного выстрела не было слышно там, где спали окопы. Только голубые змеи ракет поминутно взвивались высоко к небу.

Эта, странная и страшная, для войны тишина, красноречиво свидетельствовала о том, что все пропало, что здесь, перед лицом врага, назревает невиданный всероссийский позор, и что личная жизнь, как остро почувствовал Сережа, непоправимо исковеркана и испорчена.

Впоследствии, с неоднократным отвращением, вспоминал Сережа месяцы неуклонного фронтового разложения. Ему вспомнились обленевшиеся, заспанные, томившиеся в гибельном бездействии, солдаты, без поясов, с растегнутыми воротами засаленных рубашек, в мятых фуражках, сдвинутых на затылок, их злобные взгляды, их постоянную готовность к безчинствам и разнузданности... Вспомнился, приезжавший с почетом, самоуверенный и самовлюбленный бритый человек, с рукой, по-наполеоновски, заложенной за борт полувоенного френча, который, с фальшивым адвокатским пафосом, призывал войска, а, следовательно и его капитана Свечина, ненавидевшего и революцию и свободу, защищать их. Главное же, что возмущало Свечина, было то, что этот адвокат, никогда не нюхавший пороха, учил его, четвертый год рисковавшего каждый день жизнью, как надо умирать за Россию. В его сердце клокотала неумная, глухая, но бесильная ненависть, та ненависть, которая в те дни, одинаково жила в разных формах, по разным поводам и причинам, во всех буквально российских сердцах, начиная от обозного солдата и кончая командующим фронтом.

Не перенеся распада полка, Сережа перешел в один из ударных батальонов, хотя отлично понимал, что никакими батальонами уже не спасешь положение.

При оставлении Риги, он совершенно бесплодно, был в третий раз, и очень тяжело, ранен. Отвезен-

вый в лазарет в Петербург, он там пережил октябрьские дни, и, только к весне, несколько окрепнув, с большим трудом, пробрался в тот уездный городок, где жила его мать, изгнанная из своей усадьбы. В крошечной комнатке, заставленной остатками дорожных, по воспоминаниям, вещей, наспех захваченных при отъезде из Богдановки, прожил он с матерью около двух месяцев, отогревая душой в лучах материнской любви. За маленьким медным самоварчиком, которым в давние времена своей военной службы, пользовался еще Сережин отец, по вечерам, в садике, под вишней, они вели пескончаемые разговоры о милом прошлом, о событиях и лицах, которые были известны, интересны и дороги только им двоим. Вспоминался покойный отец — пылкий, горячий, добрый и щедрый, рано сгоревший в пылу разных страстей; Любочка, уехавшая с мужем на Дон, еще осенью, вспоминались соседи, крестьяне, поездки в Оптину Пустыню и многое другое, важное и неважное, значительное и мелкое, грустное и смешное.

— А, помнишь, — говорил, например, Сережа, — как мы ходили за грибами и из-за кустов выскочил разъяренный бык, пробежал мимо нас, а Любочка вопила благим матом?

— А раз, — подхватывала мать, — мы заблудились в лесу и я спросила встречного мужика: — Где мы? Чей это лес? — А тот с усмешкой сказал: — Да, это лес вашей милости, — и дорогу показал, как выйти. Стыдно мне стало тогда.

Какие-то смутные слухи о генерале Алексееве, об армии, ведущей, под его водительством, борьбу с большевиками, туго просачивались в их уездную глушь. В этих слухах не было ничего достоверного и точного. И, однако, они бодрили Сережу, рождая в его душе какие-то смутные волнующие надежды. Где-то он прочел, или кто-то сказал ему о том, что в Екатеринодаре, над атаманским дворцом, реет трехцветный флаг и видение это прямо-таки заворожило его, притягивая к себе неодолимо.

Когда же стало известно, что Украина оккупирована немцами, Сережа решил пробраться на юг. Мать согласилась на это, хотя Сережа и знал, что согласие это переживается ею с великой скорбью. Нередко, по ночам, он слышал, как она плакала, уткнувшись в подушку, и видел, как катились слезы по ее исхудалым щекам, когда она шлопала его носки и чинила его белье, собирая его в страшную и неведомую дорогу.

Наконец, все было приготовлено: белье почищено и уложено, в подкладку френча зашиты три заветных золотых и испечены темные лепешки из муки, приспешенной из Богдановки кем-то из крестьян.

Помолившись перед образом Тихвинской Божьей Матери, по давнему обычаю, они присели на кончике дивана. С глубокой нежностью взял Сережа тонкую и слабую материнскую руку, и поднес ее к губам. Слезы обильно струились из его глаз, и он не стыдился их.

— Прощай, милый друг, — твердо сказала мать, — молись Богу, Он не оставит тебя. Будь тверд, но

не будь жесток... Знаю, что не можешь не идти. Иди.

Когда он обернулся у поворота за угол, он увидел ее, маленькую и слабенькую, стоявшую на покосившемся крылечке уездного домика. Она махала ему рукой, ветер шевелил ее седые волосы. Сережа знал, что никогда больше он не увидит ее.

У, неведомой ему раньше, станции "Унеча", он перешел, с немалым трудом и опасностями, границу. Основательный немец, в тяжелой серой каске, и с сигарой во рту, видимо удовлетворившись двухглазым орлом на сережинном паспорте, без разговоров, пропустил его. На столбе висело объявление, гласившее о том, что крестьяне такого-то села, такие-то, такого-то числа, расстреляны за нападение на немецкого часового. Звучало это фантастично, дико, нелепо, но вместе с тем, было страшной, непрерываемой явью.

После крайнего убожества, нищеты и запущенности городов и железнодорожных станций по ту сторону новой границы, Сережу поразило благополучие "освобожденной Украины". Бойкие, краснощекие хохлушки, продавали на базарах обильную, давно невиданную снедь: молоко, творог, бублики, колбасу. Можно было ездить в поездах, не на крышах, площадках и на буферах, а в вагонах, и даже классных.

Харьков, куда Сережа попал в конце августа, в поисках путей на Дон, показался ему великолепным.

На Сумской, в кофейных и ресторанах, кипела оживленная, нарядная толпа, маявшие взоры женщин, их изящество и элегантность, тонкое веяние души — томили Сережу, почти забывшего то женственное, что, казалось, навсегда было убито мертвящим дыханием революции. Котелки, пляпы, трости, галстуки, в перемежку с щегольскими, но без погон, офицерскими френчами, бриджами и безкокардными фуражками, — волновались в торге о ценах на сахар, кожу, муку, нитки... Обилие фланирующих офицеров, пристроившихся к гетманским учреждениям, занимавшихся спекулятивной торговлей, и удивляло и возмущало, и огорчало Сережу.

"Ну, что ж, — злобно думал, он, — посмотрим, что вы все запусте, когда исчезнут эти пемечкие солдаты, сейчас покуривающие хохлацкий тютюн на вокзалах, у комендантских, и у ворот казарм".

Он встретил своего однополчанина, жизнерадостного и всегда веселого, штабс-капитана Любимова, прирожденного ловчила, всегда умевшего устраиваться и безопасно, и выгодно.

— Ты, что тут делаешь? — спросил он Сережу, критически оглядывая его выпетшую гимнастерку и латанные сапоги. — Да, есть здесь какой-то полковник, этим занимающийся, — вяло ответил он на вопрос Сережи, где находится представитель добровольческой армии. — Адрес дам тебе. Однако, напрасно ты это затеял... Оставайся-ка здесь. Жить будешь неплохо. Спекуляция — дело немудреное, всегда деньги водятся, а раз деньги, то и девочки, — игриво подмигнул он.

— Нет, брат, это не для меня, — сухо ответил Сережа. Любимов немного смутился.

— Да, ты не думай... Я бы и сам пошел воевать

“Много ты воевал”, — подумал Сережа), если бы видел в этом толк. Чего подставлять голову, раз придут союзники и наведут порядок.

“Что ж, может быть этот шкурник и прав, — сердито думал Сережа, стараясь настроить себя на циничный лад. — Плюнуть, что ли на все, да закатиться, вот хотя бы с этой блондинкой, куда-нибудь в кабаки... Пожить ведь когда-нибудь надо”. Хотя такие лукавые мысли рождались в его мозгу, он все же твердо знал, что, несмотря ни на что, он будет в добровольческой армии, будет там сражаться и плюнет не на это, возможно безнадежное, дело, а на блондиночку, кабаки и спекуляцию.

Вместе с двумя артиллерийскими прапорщиками и возвращающимся в свою часть дроздовцем, Сережа, снабженный соответствующими документами, вечером погрузился в поезд, следовавший на Дон. То, что услышал он от дроздовца, было для него целым открытием. Взвонованный стоял он у открытого окна, мимо которого мчались унылые донецкие степи. Паровоз гудел и рассыпал снопы горящих искр, гаснущих в темноте ночи. Спутники его уже спали, завернувшись в свои шинели.

“Да, вероятно, здесь спасение... Какая красота, какая поэзия. Штабной генерал — надменный, заносчивый, никем нелюбимый — Марков, делается кумиром офицеров... Как стальной клинок... В морозы, в грязь, в какой-то куртке, в грязной белой папахе, ведет свой полк; один выходит навстречу бронепоезду... Конечно, правда здесь, а не у Любимовых, в Харькове... В марковский полк будут проситься”, — решил он под утро, когда серый рассвет мертвенным светом осветил лица молодых людей, направляющихся страданиям и смерти, и, в неудобных позах, лежащих сейчас на твердых полках вагона, скорчившись под короткими шинелями.

По крутому, “Крещенскому спуску”, обсаженному жидкими и корявыми акациями, Сережа с спутниками поднялся к новочеркасскому собору. Величественно возносил он свои громадные и тяжелые золоченные купола к синему осеннему небу, господствуя и над площадью, на которой Ермак протягивал сибирскую корону русскому царю, а легендарный Бакланов спал под кавказской буркой, и над двухэтажным, кирпичного цвета, атаманском дворце, перед которым атаман Платов, в кивере времен отечественной войны, картинно взмахивал саблей, и над гауптвахтой александровского ампира, и над всем тем, что в своей совокупности, придавало этому типичному губерньскому городу, столь своеобразный казачий отпечаток.

Как будто в совсем ином, очень знакомом, но и очень далеком мире, почувствовал себя Сережа. По старинному стайками, с ранцами за плечами, шли смешные пригостишки-гимназисты; адвокат с портфелем выходил из дверей судебной палаты; рослый казак, с классическим чубом, отдавал честь проходящему отставному, дряхлому генералу; хозяйки послали с базара полные корзины капусты, помидоров, винограда.

В канцелярии, куда явились офицеры для полу-

чения назначений в армию, было деловито-суетливо и по казенному скучно. Сумрачный, видимо хронически невысыпавшийся, писарь, зарывшись в бумагах, мельком взглянул на пришедших и попросив обождать, пошел докладывать генералу.

Последний, внимательным и опытным взглядом человека, перед которым прошло уже множество людей, оглядел Сережу, настойчиво просившего о назначении его в офицерский полк.

“Да, этот, как раз подойдет”, — подумал он.

— Хорошо, будь по вашему, — сочувственно улыбнулся он в свои крутые седые усы. — Антонов! — крикнул он писарю, — выпишите капитану Свечину предписание в 1-й офицерский полк и литературу.

Было серенькое осеннее утро, когда рота офицерского полка, в которую был зачислен Сережа, подымая кубанскую пыль, подошла к разрушенной ветряной мельнице, с разбитыми снарядом крыльями, от которой какая-то часть, по сжатоку пшеничному полю, вела наступление на казачий хутор, спрятанный за зарослями кустов и деревьев, разросшихся по берегам небольшой речушки.

Изредка, бодрящим звуком, звонко отдававшимся в утренней сырости, бухали орудия. Пулеметы, по деловому, без остановки, трещали с обеих сторон.

У полуболевшейся хатки, молодой артиллерийский полковник, с пышными каштановыми усами, наблюдал в бинокль за ходом боя.

— Эх, — с досадой сказал он, — залегли... дальше едва-ли пойдут... огонь очень силен.

Молодой, круглолицый, веселый и щеголеватый поручик — командир сережинной роты, назначенный в резерв, снисходительно улыбнулся словам полковника:

— Огонь силен? — спросил он иронически, — Ерунда... вот, сейчас наша третья рота пойдет — мигом расчешет.

Действительно, справа, из-за холма, спокойно, без всякой суеты, стала рассыпаться жидкая цепь, человек в пятьдесят-шестьдесят. Ровным, широким шагом двинулась она по живую в наступление. Пулеметная и ружейная стрельба усилилась до предела, звуки выстрелов слились в сплошной, непрерывающийся гул. Отчетливо было видно, как пулеметные пули бороздили землю, вздувая струйки пыли. Вздymались столбы пыли, дыма, осколков и камней, разрывы снарядов, образуя, казалось, непреходимую черту, которая отделяла наступающих от хутора.

Однако, офицеры, одетые в пыльные защитные гимнастерки с мятыми черными погонами, в пропавших фуражках, с офицерскими кокардами, в разлокалиберной, разбитой обуви, ни разу не залегли. Не пригибаясь, все тем же ровными и широким шагом, без малейшего колебания — шли вперед. Было что-то завораживающее в их неуклонной поступи, в той обманчивой легкости, подобной легкости акробата, висающего на трапеции под куполом цирка, с которой они шли вперед.

Темными комочками, там и сям, оставались убитые и раненные.

В необыкновенном возбуждении, Сережа наблюдал за передвижением цепи. Бесконечное количество раз наблюдал он атаки и участвовал в них. Но, никогда, ничего подобного по своему вызывающему бесстрашию, по какому-то дерзкому вызову судьбе, расчету, осторожности, он не видел.

Ни на секунду не останавливаясь и не замедляя шага, наступающие, в одно мгновение, видимо, по неслышной здесь команде, с винтовками на перевес, ринулись бегом в атаку... Их ура, слившееся в сплошной рев, слабело, по мере того, как они исчезали в речной заросли. За собой они оставили, невидимые трупы и ползущих, и корчившихся, и стонущих раненных.

Через несколько минут стрельба внезапно затихла... Повели пленных, санитары стали подбирать ра-

неных. Дымка пыли медленно опускалась над вздыбленным полем.

Сережа не мог притти в себя от восхищения. Спазмы сжимали его горло.

“Что ж это такое?.. — пораженный думал он. — Вот оно — настоящее и единственное, что нельзя остановить и что не может не победить... Эти не останавливаются”, — думал он, с завистью глядя на этих запыхавшихся, запыхавшихся, неостывших еще от боевого возбуждения, таких ординарных, простых молодых людей, спокойно раскуривающих, над своими и вражескими трупами, крученки из кубанского самосада, и обменивающихся самыми будничными замечаниями и шутками.

“Сумею ли я быть таким же, как они”? — с тревогой подумал он.

Г. Месняев

(Продолжение следует)

Елисаветградское Кавалерийское училище

(Продолжение)

Классные занятия происходили в Училище обычно до обеда с 8-ми час. утра и до 1 часу дня. В промежутке между ними был часовой урок езды. После обеда производились преимущественно строевые занятия, т. е., езда, вольтижировка, рубка, фетование, ружейные и пашечные приемы, гимнастика на машинах и пеший строй.

Из числа штатских преподавателей, хорошо помню спокойного и доброго Иванова, преподававшего русский язык и литературу. Впоследствии он принял священство. Будучи уже офицером и проходя на маневрах через маленький захолустный городок Гродненской губ., Межиречье, я увидел Иванова полковым священником, если не ошибаюсь, 149 пех. Черноморского полка. Это был добрейший, безобидный человек, чрезвычайно снисходительный и доброжелательный. Юнкера называли его “моргуном”, ввиду его привычки почти непрерывно, при разговоре, моргать глазами. Я посетил его скромную квартирку, познакомился с матушкой и увидел его детишек. Батюшка был очень тронут вниманием к нему бывшего Елисаветградского юнкера.

Географию преподавал его однофамилец, тоже Иванов, необыкновенно смешной, небольшого роста человек, невзрачный учитель гимназии. Комичный вид его, особенно увеличивался его странными, готанными произношениями. Особенно часто он любил употреблять слово “именно”, благодаря чему юнкера его, за глаза, конечно, иначе и не называли, как “именно”. Помню был у нас юнкер 27 драг. Киевского полка, обладавший очень неблагозвучной фамилией Баран, которую он произносил непременно с ударением на первом слоге, дабы придать своей фамилии бо-

лее благоприятный смысл. Географ же вызывая этого юнкера, упорно, конечно, не умышленно, делал ударение на последнем слоге. И когда вызываемый, с обидой в голосе, произносил: “г. преподаватель, я не Баран, а Баран. “Именно” наклонившись, над журналом, невозмутимо отвечал, “не вижу этого”, что вызывало гомерический хохот всего класса.

Немецкий язык преподавал очень симпатичный, местный лютеранский пастор Графф, корректный, спокойный и добрый человек, почти совершенно незнакомый с обиходом военного училища. Обстоятельством этим, конечно, не преминули воспользоваться некоторые юнкера из числа отличавшихся “тихими успехами и громким поведением”. Помню, как один из таких юнкеров серьезнейшим образом просил пастора не ставить ему по немецкому языку менее 10 баллов на том основании, что балл по немецкому языку складывается, дескать, вместе с баллом по вольтижировке и из полученной суммы выводится средний балл, влияющий на окончание Училища по 1 разряду. И милый Графф, в начале, верил этому вздору и охотно исполнил просьбу юнкера.

Все эти штатские преподаватели младшего класса были, впрочем, не страшны юнкерам. Совсем другая атмосфера царил на классных занятиях старшего класса, где читались военные предметы и где лекторами являлись офицеры академии Генерального Штаба, военные юристы и военные инженеры, а также наши сменные офицеры, преподававшие уставы.

О первых я уже упоминал. Что касается уставов, то слушать их было необычайно скучно, ибо содержание их в объяснении не нуждалось, а все усваивалось исключительно работой памяти. Особенно монотонно и скучно проходили, например, теоретические уроки седловки. Читал обычно взводный портупей юнкер, в присутствии сменного офицера. Вот так зафиксировала эти уроки наша звериная:

“Надоело, не охота
 Этой глупости внимать,
 Одолела всех зевота
 И невольно клонит спать.
 Дремлет Писанко украдкой,
 Олиферов мирно спит —
 Рот раскрывши, юнкер Гладкий,
 Как пот-рянный сидит.
 Бледен юнкер Стокасимов
 Тщетно силится не спать
 И читает взводный вяло,
 Как попону пригонять...”

***

Вскоре после начала учебных занятий, т. е., в начале сентября в наше Училище прибыл, по переводу из Николаевского Кав. Училища, юнкер Князь Г. и, как зачисленный в полк с желтым приборным сукном, был назначен в наш 2-ой эскадрон. Действительной причины перевода его из Петербурга в Елисаветград мы точно не знали. Говорили, что Князь вместе со своим другом юнкером А. совершил проступок против правил морали и несовместимый с званием юнкера и потому оба вынуждены были покинуть славную Гвардейскую Школу, но, благодаря связям своих близких и протекции, все ограничилось переводом на военно-училищный курс нашего Училища.

Не знаю в, связи-ли с этим фактом, или по какой-нибудь другой причине, но Князя сразу не взлюбил Командир эскадрона Ротмистр Адабаш, этот строгий блюститель нравственности и всего, что было связано с понятием воинской чести и благородства. Глубоко порядочный и до крайности щепетильный в вопросах касающихся чести юнкера и будущего офицера славной Русской кавалерии, педантичный Адабаш иногда перебарщивал. Так случилось и с Князем Г.

Был воскресный день. Много юнкеров было в городском отпуску, из которого они возвращались или группами по два-три человека, или в одиночку. Большинство возвращалось на извозчиках, конечно, парных, так как ездить на “ваньках” считалось несовместимым с традициями Училища. Из отпуска, в виде общего правила, юнкера должны были возвращаться не позднее 8.30 часов вечера, и явившись, сначала дежурному офицеру, а затем дежурному по своему эскадрону, юнкеру, в 8.45 час. обязаны были быть на своем месте.

В памятное воскресенье был в отпуску и князь Г. Задержавшись, по какой-то причине, в городе, он прибыл в Училище с опозданием, в 8 час. 45 мин., на парном извозчике, хорошо известном всем юнкерам, Юдке. Дабы не опоздать на вечернюю переключку, которая по уставу внутренней службы, точно производилась в 9 час. вечера, Князь, соскочив с дрожек и крикнув Юдке на ходу: “Сейчас пришло деньги”, — пробежал в комнату дежурного офицера, и явившись, едва успел вбежать на 3-й этаж, явиться кому следует, и стать в строй, забыв совершенно о, стоявшем у подъезда Училища, Юдке. После вечернего чая и

переключки, юнкера уселись за свои столики для подготовки уроков и репетиций к следующему дню, а затем разошлись по спальным комнатам.

Возвращавшийся в 11 часу вечера из города, Командир эскадрона, Ротмистр Адабаш, увидев терпеливо дремлющего на козлах Юдку, спросил его, кого он поджидает? Ничего не подозревавший, Юдка доложил, что привез в 8 час. 45 мин. юнкера Князя Г., который, не расплатившись с ним, повидимому позавыл выслать деньги, ввиду чего он и ждет. Спросив Юдку, сколько ему следует и немедленно же с ним расплатившись, Адабаш ушел к себе.

На следующий день, около 12 час. дня, когда эскадрон, после утренних занятий, построился для следования в столовую на обед, неожиданно раздалась команда вахмистра Байрактарова: “Смирно!”, и в эскадрон не вошел, а вбежал взволнованный и бледный Командир.

— Господа, — услышали мы его резкий, прерывающийся от частого дыхания, голос, — вчера произошел отвратительный, недопустимый и позорный случай. Юнкер Князь Г., проехав по городу чуть-ли не полдня на извозчике, не расплатившись с ним, убежал. Я готов простить ошибку, оплошность, но поступка подобного рода я извинить не могу. Совершивший его не достоин звания юнкера, не достоин того титула, который носит. Он позорит не только юнкерский мундир, но и мундир того славного полка, в котором числится. Какой же это будущий офицер.

Продолжать свою речь Ротмистр Адабаш, от волнения, не мог и, произнеся последние слова, круто повернулся и быстро ушел.

Вслед за этим, по команде вахмистра, эскадрон стал спускаться, рядами, вниз, в столовую на обед. Все мы были потрясены произошедшим. Не оправдывая забывчивости Князя Г., мы все же не могли заподозрить его в умышленном нежелании расплатиться с извозчиком и мера воздействия, избранная командиром эскадрона, представлялась нам чрезмерной и не отвечающей степени виновности бедного Князя. Обед прошел в тяжелом молчании. Настроение у всех было подавленное.

Сосед за обедом Князя Г., юнкер 2-го взвода рассказывал, что Князь сидел за столом совершенно неподвижно, не прикоснувшись ни к одному из поданных блюд нашего скромного юнкерского обеда. Снова команда “Встать!”, краткая молитва “Благодарим Тя Христе Боже наш”, и разрешение дежурного офицера разойтись. Так как стояла теплая осенняя погода, то большинство отправились в, прилегающий к зданию училища, сад, где разбившись на небольшие группы, мы, естественно, делились впечатлениями о только что произошедшем. Прошло не более 10 минут. Я не успел сесть на скамью у, находившегося в саду, подвала-ледника, как увидел бегущего по направлению ко мне бледного и растерянного юнкера Ахтырца Роголя-Левицкого.

— Что случилось? — спросил я.

— Князь Г. только что застрелился, — коротко ответил мне Роголя-Левицкий и стал быстро спускаться

ся по крутой, почти вертикальной, лестнице ледника вниз за льдом.

Ужасная новость стала немедленно известна всем, и юнкера всего училища устремились в наш эскадрон. На-бегу, я узнал, что сейчас же после обеда, Князь Г. прошел в, так называемый, сундучный цейхгауз, в котором были сложены сундуки и чемоданы с собственными вещами юнкеров и, быстро вынув из своего чемодана револьвер, выстрелил себе в сердце. Смерть наступила мгновенно. Все это видел находившийся в противоположном углу цейхгауза юнкер Буш, не успевший, к несчастью, помешать Князю привести в исполнение свое намерение.

Вскоре прибежал в цейхгауз и Командир эскадрона Ротмистр Адабаш. Подойдя к труп Князя Г., он несколько секунд стоял молча, а затем вдруг произнес:

— Да, он иначе не мог поступить.

И, как бы в ответ на эти жестокие слова, стоявший тут же юнкер Ингерманландского полка Петропольский, забыв суровые веления дисциплины, ясно и отчетливо произнес:

— В праве ли мы в такую минуту, у еще не остывшего тела, высказывать свой приговор? Мы можем только молиться об упокоении души усопшего.

И широко перекрестившись, со слезами на глазах, Петропольский, прочитав молитву, быстро вышел из цейхгауза. Вслед за ним, не произнеся ни звука, низко опустив голову, вышел и Адабаш.

Как это ни странно, ни немедленно вслед за произошедшим, ни впоследствии, суровый, мстительный и никогда не забывающий Адабаш, никак не реагировал на поступок Петропольского.

На погребение Князя Г. прибыл в Елисаветград его отец. Гроб с телом покойного, после отдания воинских почестей, был отправлен по железной дороге, в родовое имение Князя Г. для погребения.

Наружный темп училищной жизни постепенно пришел в норму и событие это никак не отразилось на суровом и тяжелом характере нашего Командира эскадрона. Не прошло и недели после смерти Князя Г., как тот же Адабаш, выведя эскадрон юнкеров на поездку, как ни в чем не бывало, распекал нас за длинный повод, за педержание дистанции, разговоры в строю и т. п.

Кстати, несколько слов о юнкере Петропольском. Мы поступили с ним в Училище одновременно, с той лишь разницей, что он на младший, а я непосредственно, на старший курс. В памяти моей особенно отчетливо зафиксировалась вся его характерная фигура с небольшой русской бородой-лопатой, походкой в развалку и громким говором с ударением на о. Петропольский происходил из духовного звания и, судя по его слабой строевой подготовке при поступлении в Училище, вероятно, выйдя из семинарии, пробыл в в своем полку не более одного-двух месяцев. Глядя на его худощавую, несколько сутуловатую фигуру, размашистую походку и бороду, на его, падающую прямо, а не на бок, безкозырку с липовым околышем, как то не верилось, что это кавалерийский юнкер, ибо

всей своей фигурой он скорее напоминал сельского диакона, случайно, точно по недоразумению, снявшего рясу и заменившего ее военным мундиром, да еще кавалерийским.

Все это не помешало, однако, Петропольскому отлично окончить Училище и стать прекрасным кавалерийским офицером. Когда, через два года, я встретил его в Варшаве в форме Корнета Орденового драгунского полка, я поразился произошедшей с ним перемене.

Несомненно, в этом была огромная заслуга нашего Училища, но многим обязан был Петропольский и самому себе. Нужно было много характера и силы воли, чтобы выдержать суровую двухлетнюю строевую муштру училища, чтобы так удивительно превратиться из семинариста в стройного кавалериста. Еще через несколько лет встречал я Петропольского уже в форме Крымского конного полка. Где он теперь?

***

Самым тяжелым периодом училищной жизни для зверей было время от августа до Рождества. Многие с трудом привыкали к тяжелому училищному режиму, с ранним вставанием по сигналу, непрерывной работой головы и тела, по часам размеренной жизни и суровой воинской дисциплине. Многим трудно давалась езда, вольтижировка и вообще, уставная работа на коне.

Независимо от того, что учебная программа младшего курса окружного Училища была весьма не сложной, некоторые юнкера, по разным причинам, оказывались не в силах ее преодолеть и не имея за первое полугодие требуемого среднего балла, отчислялись в конце декабря от Училища в свои части. Такие неудачники назывались "декабристами", ибо декабрь являлся для них роковым месяцем. Многие из них, в августе следующего года, вновь приезжали в Училище уже полковыми унтер-офицерами и держали вступительные экзамены. Если судьба им благоприятствовала, они оканчивали Училище и бывали зачастую хорошими строевыми офицерами.

Была еще одна категория неудачников. Это так называемые, "майоры", или второгодники, т. е. не перешедшие на старший курс и вынужденные поэтому сидеть в Училище лишний год. Большинство "майоров" было младшего курса. На старшем такие явления были несравненно реже и вызывались, большей частью, невозможностью, по болезни, окончить Училище. Со мной во взводе был такой "майор" старшего курса 38-го драгунского Владимирского полка, юнкер Домбровский. "Майоры", пробыв на младшем курсе два года, обыкновенно хорошо ездили и были, вообще, отличными строевиками. Из "майоров" младшего курса припоминаю 29-го драгунского Одесского полка Крауза. Отличный сзодок, высокий, немного сутуловатый и слегка заикающийся, он был очень способным юнкером, но его погубило чрезмерное пристрастие к вину. Я положительно не помню

его в абсолютно трезвом состоянии. Прекрасный товарищ, добрый и симпатичный, он был всеми очень любим. Особенно нравилась юнкерам его лихость и полное пренебрежение к опасности. Возвращаясь из городского отпуска, и едва держась на ногах, он бесстрашно входил в комнату дежурного офицера и, приложив руку к своей, лихо падетой на бокрень, безкозырьке с лиловым околышем, слегка заикаясь, рапортовал:

— Г. Штабс-Ротмистр, 2-го эскадрона, 1-го взвода юнкер Краузе является по случаю прибытия из отпуска.

Получив разрешение дежурного офицера положить на место свой билет-карточку, Краузе безошибочно клал билет, куда следует, и, повернувшись налево кругом и звякнув шпорами, как ни в чем ни бывало, шел в эскадрон. Сменные офицеры знали его слабость, но ценя в нем отличного, строевого юнкера, “не замечали” его состояния. К сожалению, и большому моему огорчению, я узнал впоследствии, что уже будучи эстандарт-юнкером своего полка, он застрелился. Истинной причины, побудившей его так рано уйти из жизни, мне так и не удалось узнать.

***

Еще одна фигура должна быть отмечена в жизни юнкеров Елисаветградского Кавалерийского Училища: это швейцар Виктор. Фамилии его, кажется, не знал никто. Но кто из Елисаветградцев не помнит Виктора? Он больше 35 лет исполнял свои обязанности. Многие недолюбливали его, считая доносчиком и осведомителем начальства о разных юнкерских преступлениях и, особенно, о явке из отпуска в нетрезвом состоянии. Я лично этого за Виктором не замечал, а однажды, мне пришлось просить его спрятать у себя в швейцарской, приписанный мною из города “флакон” вина, который, после моей явки дежурному офицеру, Виктор возвратил мне в неприкосновенности. Была у Виктора одна особенность, доставлявшая ему постоянный и довольно значительный доход. Он замечательно мыл белые замшевые перчатки, которые возвращал юнкерам в виде, едва отличимом от новых.

***

Большими симпатиями юнкеров пользовался частный училищный буфет, содержимый хитрым, очень себе на уме, немцем Альбином Антоновичем Бигер. Зная хорошо не только каждого юнкера, но и его средства, Бигер умел, при случае, быть полезным каждому и пользовался, поэтому, общим расположением. Буфет посещался много и охотно, особенно летом, в лагере, где ему был отведен прекрасный деревянный барак, расположенный неподалеку от приемной аллеи.

Кроме того, Альбин Антонович обладал одной необыкновенной ценностью. У него имелась топографическая карта окрестностей Елисаветграда, в масштабе, если не ошибаюсь, 200 сажень в дюйме, с пансе-

сением на ней многих таких подробностей местного значения, каковых не имелось на картах официального издания Главного Штаба. На съемках многие юнкера, которым трудно давалось топографическое искусство, за некоторую мзду и под большим секретом, прибегали к услугам карты Альбина Антоновича, дополняя назначенный им для съемки участок подробностями и деталями “бигеровского” генерального плана. Каким образом содержатель буфета стал обладателем этой знаменитой карты, которой пользовались целые поколения юнкеров и чьими трудами эта карта была снята, никому известно не было.

***

Летом, в лагерный период, большим удовольствием для юнкеров было купанье, хотя и в мелководном, но сравнительно чистом Ингуле, протекавшем примерно в полуверсте от юнкерского лагеря. В устроенной купальне назначался дневальный юнкер младшего класса, наблюдавший за порядком и недопущением в купальню посторонних лиц. Наряд этот был не из числа обременительных. В знойные летние дни, которыми так изобилует жаркий климат Херсонской губ., было приятно, растянувшись на шпинели, в тени деревьев, читать книгу, исполняя в тоже время несложные обязанности.

Кроме этого, в юнкерском лагере было еще два дневальства, не считая, конечно, дневальства на передней линейке: это в приемной аллее и у офицерского шлагбаума, расположенного неподалеку от офицерского флигеля.

***

Пыльный, скучный и не слишком приятный Елисаветград ничем не отличался от многих уездных городов южной России, но в нем было много черт и особенностей, приобретенных им в зависимости от нахождения в нем, в течение многих лет, Кавалерийского Училища. Кому не известен, например, ресторан Вийергерста, в котором юнкера бывали завсегдатаями, что давало возможность его владельцу неплохо обогащаться. Кто не знал портных, братьев Музыкантовых, славившихся мастерством так шить всевозможные кавалерийские формы, что его знала вся русская гвардейская и армейская конница. Многие офицеры специально приезжали в Елисаветград из разных, часто отдаленных, концов России, чтобы шить обмундирование у Музыкантовых. А кто не помнит юнкерских сапожников Бухгалтера и Таранцова, этих виртуозов по части шитья лакированных и шевровых юнкерских сапог, гусарских ботинок и ботинок. Кто не знает шалочников Барского и других, украсивших многие тысячи юнкеров головными уборами всевозможных цветов и оттенков. А седельный мастер Трегер, мало чем уступавший знаменитому Петербургскому Вальтеру и Коху. Все эти лица в течение ряда лет кормились и создавали себе огромные состояния, за счет Елисаветградских юнкеров.

Полковник Фурман

(Окончание следует)

Главы из повести „Пушкари“

7.

Полковник Слосачинский, спору нет, был поляк умный. Он видел, что молодежь лихо ездит, хорошо делает гимнастику, методы стрельбы знает в совершенстве. Но опытом своим он видел, что дай им волю — они могут перекалечить людей и лошадей.

И он “спускал на тормозах”.

Внимательно прислушивался и кряхтя шел на спуск.

При нём: разведчики батареи прекрасно читали иностранные карты (как это пригодилось нам во время войны), делали глазомерные съемки (такие — и ахнул, в первый раз увидев).

В батарее была футбольная команда (тогда попинка, на которую многие старики косились). На гимнастику солдаты выходили не в тяжелых сапогах, а в гимнастических туфлях, коротких штанах и в тельниках, с двуглавым орлом.

Были выписаны из Киева гимнастические приборы, которым позавидовали бы и профессиональные школы. На гимнастику, по его приглашению (тоже уступка нам, молодым) из местного общества, приходил сокола и занимались с ребятами.

Что и говорить: умек был Слосачинский, а все-таки с офицерами не ладил. То по старинке “нарывался”, то впадал в какой-то, “якобы дружеский тон”.

Меня, например, он иногда называл “Глебушка”, на что я ершился и в душе фыркал.

И сейчас, подойдя ко мне, он выдавил улыбку, и спросил:

— Что, Глебушка, довольны походом?

— Так точно, господин Полковник... очень доволен, — сухо отпарировал я.

— Ну, ну, все смирнись... Митрофан Петрович, — обратился он к старшему офицеру. — Что-ж, покорным ребят сегодня свинкой?

— Так точно! Я уж и артельщика, с деньгами, вперед послал.

— Так, так... Ну, с Богом... По коням, — вдруг грозно закричал он. Небольшая суета и мгновенная тишина.

— Садись... — Опять суета и тишина.

— На молитву, шапки долой! — Заблистали стриженные головы.

Душкин читает: Отче наш.

— Накройсь... Справа, по-орудийно...

Батарея потянулась, гремя колесами и щитами.

Подпоручик Гайрабетов был большим местом Слосачинского. Общий любимец, попавший в бригаду из пехотного училища, симпатичный кавказец, прекрасный товарищ, вспыльчивый, как все восточные люди, он никак не мог припрорваться к системе Слосачинского.

Гайрабетов был магометанин.

О том, что он магометанин, я, например, узнал

лишь во время присяги. Солдаты всех вероисповеданий имели своих священников (православный батюшка, ксендз, пастор, раввин) присутствовавших на присяге.

Мушлы в нашем городке не оказалось, и приводил молодых магометан (их было три), к присяге, по приказанию Командира бригады — Гайрабетов.

Мы с любопытством смотрели, как Нарцисс (это было имя Гайрабетова), свирепо выкатив глаза, читал что-то трем испуганным черноглазым кавказцам — из черной книги. Потом вытащил шашку и заставил их трижды целовать клинок.

Поручик Оношко, задира и остряк, после присяги пристал к Нарциссу:

— Что ты там колдовал?..

Нарцисс обиделся:

— Это ты, может, колдовал, а я приводил к присяге на верность Государю Императору.

Оношко, прикусил язык.

По приезде в бригаду, Гайрабетов взял себе денщиком своего земляка грузина Джиганашвили.

— Имя уж больно красивое, — объяснял он нам: — ты знаешь, что значит по-русски — Джиганашвили?.. Это значит “Сын солнца”. Вот-на. При том мой земляк. Поговорим иногда о Кавказе... У него в Тифлисе — бакалейная лавочка.

Обуреваемый такими лирическими мотивами, Гайрабетов не подозревал, что денщик скоро станет запозой в его жизни и причинит ему не мало горестей.

“Сын солнца” быстро освоился со своими несложными камердинерскими обязанностями (какие там обязанности у денщика молодого офицера: поставить самовар, почистить сапоги — и все) и погрузился, как смеялись офицеры, в “восточную негу и роскошь”. Вставал позже своего барина, едва волочил ноги, растолстел и раздобрел за один год на полпуда.

Целые дни валялся на кровати, пел заунывные кавказские песни, а если испытывал потребность к движению, то плелся на Подол, к отысканному там земляку Карапету, у которого и проводил все свободное время.

— Понимаешь, — злился Гайрабетов: (когда он болновался, он сбивал на восточный акцент и на “ты” со всеми): — не он меня будит, а я его. Ей-Богу самовар вчера сам ставил... А чай пили оба вместе... Нахальство. Напьется чаю — исчезает. Где, — спрашиваю, был?.. Карапету письма писал. Хорошо — сегодня Карапет, завтра — Карапет... когда же конец?.. Молчит, сукин сын.

— Вчера приходит в 10 часов вечера. Кричу: где шляется? — Хадыл лавка смотрел... Какая лавка?.. Я тебя не посылал...

— Смотрел товары, хочу купить, в Тифлис посылать.

— А почему сапоги не почистил?.. — Молчит.

— Моя мать каждый месяц этому проду посылки посылает: — это твоему милому солдатику в подарок.

чтобы он за тобой хорошо смотрел. — Как вам нравится?.. Милый солдатик... Ей-Богу, в один прекрасный день морду набью... Пусть меня потом судит Бог и Великий Государь!.. — трагически закапчивал Гайрабетов.

— Прогони в батарею, — смеялись офицеры.

— Не могу, понимаешь... привык... и, потом, земляк.

И мученьям бедного Гайрабетова, повидимому, не предвиделось конца.

8.

Батарея уже стояла: “Вольно, оправиться”, у кладбища, когда, на вспотевшей лошади, подскакал Нарцисс. Он козырнул Слопачинскому и поскакал было к своему взводу, но Слопачинский не взвидел света:

— Подпоручик Гайрабетов, — разразился он истерическим воплем: — Вы являетесь в батарею, позже всех офицеров, позже меня... Так служить нельзя. Подавайте в запас... переводитесь в Сибирь, поступайте на почту... Здесь вам не Персия (от злости он забыл даже географию).

Дальше неслись уже совсем несвязные крики:

— Молчать... не возражать, когда я говорю... не потерплю! и т. д.

Поблудневший Гайрабетов, вытянувшись, и приложив руку к козырьку, молча подтсхал к нам.

— Что, Нарцисс?... попало?... — встретили мы его.

— Попало за дело, — неожиданно заявил Нарцисс. — Но, этому дьяволу Джиганашвили я покажу. Он у меня увидит. Спал сегодня, как собака. Уже вестовой с лошастью приехал — а он все спит. Не разбуди меня вестовой — пришлось бы скакать за вами галопом.

На боковой улице, в это время, в пыли показалась довольно странная процессия: одинокая двуколка с тремя Гайрабетова. Старая, серая в гречке, обозная лошадь, поднимая клубы пыли, лениво шлепала подковами по пыльной обочине. Рядом с двуколкой, так же лениво шлепал денщик Гайрабетова — Джиганашвили.

“Сын солнца” умудрился русскую военную форму превратить в какое-то восточное одеяние: штаны его, спущенные чуть-ли не до пяток, имели вид персидских шальвар, на ногах его красовались туфли красного цвета, под безкозыркой виднелась белая тряпка.

Одной рукой он держался за край двуколки, а другой держал огромный букет цветов.

Он лениво передвигал ногами, поднимая клубы пыли.

— Зарублю проклятого, — взвизгнул Гайрабетов, хватаясь за пашку: — Вон с глаз моих... Ска-а-тина... Откуда ты?..

— Твоя прачка хадыл, — флегматично отвечает Джиганашвили... — Барышня тебе цветы прислала... — и он протянул Нарциссу букет...

Дружный хохот всех покрыл эту речливу.

Хохотал и сам Гайрабетов.

Хорошо, что всю эту сцену не видел Слопачинский.

Двуколка благополучно поплелась в хвосте колонны, под смех ездовых и номеров.

9.

Подшла 4-я и потянулась в голову колонны. В “хвосте” 4-й, на обозной повозке, торжественно восседал батарейный козел. Шутники нацепили на него какой-то рванный и поломанный картуз. Изредка он дребезжащим голосом жаловался на свою горькую участь, не понимая, почему это людям понадобилось покидать уютные конюшни и тащиться неведомо куда.

Козел обдал всех удушливой вонью.

— Когда идешь в конце колонны,

Не помогут и одеколон. —

продекламировал Оношко, — афоризм Кузмы Пруtkова.

Подъезжая к кладбищу, по приказу командира, козла стащили с повозки, содрали с него картуз, и теперь он уныло плелся на веревке, конец которой держал такой же унылый обозный солдат водовоз.

— Здорово 4-я скорострельная, парезная, со скользким затвором, — приветствовали мы офицеров 4-й.

— Привет доморощенным острякам, — отвечали те.

4-я последовала в голову колонны, замыкаемая козлом и спешилась.

Подъехали несколько бригадных дам и барышень в белых платьях и с цветами. Офицеры окружили их — букеты перешли в наши руки.

— А вы спросите, Лиза, — обратился к одной из барышень Оношко: — спросите Гайрабетова, от кого он сегодня получил букет? Готов спорить, что это какая-нибудь восточная красавица. Может быть “султановская одалиска”, чудом попавшая в наш богоспасаемый град?

— Знаем мы эту одалиску... она торгует на базаре носками и портянками. Девочка недурна. Сознайся Нарцисс?..

Нарцисс самодовольно улыбался.

Приехал командир дивизиона. Обычная суета... Здра... и наконец дивизион трогается.

Обскакивая батареи, с десятком ординарцами, проскакал Гайрабетов.

— Прощайте, друзья, — прокричал он: — еду квартирьером. Если буду убит... напишите матери. Оставляю вам в наследство своего Лепорелло, любите его и не обижайте!

— Передай от нас привет лорд-мэру Березовки...

— Нет, это уж пусть передает Верди-Папа (командир дивизиона).

— Кто такой?.. — грозно скапывает глаза старший офицер.

— Виноват, г-н Капитан... полковник Талалаев.

— То-то, — улыбнулся старший офицер. Гайрабетов скрывается, переходя в рысь.

10.

*И цветы, и поля, и колосья
И лазурь, и полуденный зной,
День придет — и Господь блудного спросит:
Был ли ты счастлив в жизни земной?
И забуду я все: вспомню лишь эти,
Полевые пути среди колосьев и трав.
И от сладостных слов, ничего не сумею
ответить,
К милосердным коленам припаду.*

П. Бунин

Последние домики предместья остались позади. Шоссе вылось узкой лентой среди почти девственного соснового леса. Равномерный рокот колес, легкое позвякивание щитов на орудиях, изредка крики: “Под ноги!”, — предупреждающие о какой-либо неисправности пути.

Идем час, два...

Становится все жарче и жарче.

Батарейные псы (таких два) вначале резво посившиеся вдоль колонны, теперь плетутся, высунув языки и утратив значительную долю своей резвости.

Офицеры батареи съехались в голову. Едем и чешем языки: вспоминаем прошедший год на зимних квартирах, офицерские занятия, опереточных артистов Горева и Полинову.

Козловский, подъехавший из 4-й, — наш певец и музыкант, не без блеска, исполняет сцену из Анды:

*Да... знаю я...
Ждешь Радамесса...
Им любима,
Он начальник египтян...
Понятно-ль...*

— Тут вступает Анда, — поясняет он. — Играют скрипки... — и он, с поразительной точностью воспроизводит оркестр и вступление Анды:

*О, боги, какой совет даешь...
Нет... нет... никогда...*

Но и он увядает от жары. Добрых полчаса едем молча. Вдруг, Оношко, заливаясь заразительным смехом:

Нет, помните, господа, последнее “Общее Собрание” и речь Володи Туркина?

Володя Туркин — штабс-капитан 2-й батареи, считался бригадным острословом. У молодых он пользовался головокружительным успехом. Стариков раздражал тем, что, в своих нарочито-высокопарных выступлениях, всегда старался их чем-нибудь поддеть.

Система острословия Туркина — была приблизительно такова: на Общих собраниях (единственный в старой армии “демократический орган”, выбиравший

Председателя распорядительного комитета из старших офицеров, и “Хозяина Собрания” из младших, и решавший несложные вопросы устройства вечеров, праздников для детей, приема начальства, товарищеских обедов, и пр. мелочей бригадной жизни) — Туркин неизменно потешал молодежь, выступая в качестве застрельщика и “Борца за Правду и Справедливость”.

На последнем собрании, на котором обсуждался вопрос о приеме и устройстве обеда вновь назначенному Инспектору Артиллерии Корпуса, ген. Сташевскому (в сущности никаких разногласий по этому поводу не было: вопрос сводился лишь к установлению платы за обед: одного рубля или одного рубля и 20 копеек) — Володя попросил слова.

Молодежь насторожилась, предчувствуя веселый фарс.

*Умолкли ручейки,
Затихли птичек хоры,
И прилегли стада...*

так начал свою речь Володя.

Кто-то сзади фыркнул.

Председатель собрания, нервный и раздражительный полковник Кублицкий, пасторожился:

— Штабс-капитан Туркин, — нервным голосом, но сдерживая себя, произнес он: — Потрудитесь говорить по существу вопроса, а не цитировать... Пушкина.

— Слушаюсь, господин Полковник, — кротко отвечает Володя. — Я сейчас подойду к вопросу вплотную. Разрешите продолжать.

— Продолжайте, пожалуйста, но только по вопросу о приеме Инспектора Артиллерии.

— Итак, оставим в стороне Пушкина, которому, очевидно по ошибке (реверанс в сторону председателя), было приписано трехстишие, которое я процитировал, я перейду к существу вопроса: — Вы хотите устраивать пир... Пир Валтасара, поражали своей роскошью всех иноземцев... — Дружный хохот... — Валтасара... — срывается Кублицкий. — иноземцы... причем здесь Валтасар?.. Кто такой?..

— Вавилонский царь... г-н Полковник. — Я хочу сказать, что пиры Валтасара осуждались всем мыслящим обществом. Они, как известно, кончались трагическими словами: Мане, Такел, Фарес, — как волынку тянет Володя.

Кублицкий совершенно зеленеет от ярости:

— Штабс-капитан Туркин... вам, очевидно угодно превратить общее собрание в какой-то опереточный спектакль. Я этого не позволю... Я лишаю вас слова... Разрешаю вам высказаться лишь о плате за обед... Один рубль или один рубль 20 копеек... и все... Понимаете?... Да, или нет?..

Большая пауза.

Володя стоит в задумчивой позе и наконец: (мы ждем какого-нибудь “мо”): — Один рубль, г-н Полковник.

Голосуем все за 1 рубль (мы не Валтасары).

Кублицкий облегченно вздыхает:

— Переходим к следующему вопросу о покупке белья для офицерской столовой.

Володя сидит с обиженным (деланным) видом.

Такие выступления Володи повторялись неизменно на каждом общем собрании. Молодежь подзуживала Володю, польщенный Володя всегда старался оправдать наши надежды и надо отдать ему справедливость, “разыгрывал” он начальство так, что редко к нему можно было придаться.

Ему приписывали тост где-то будто сказанный: — Пью за прекрасный пол обоих полушарий и за оба полушария прекрасного пола.

Со всем тем, Володя был прекрасным офицером: команда наводчиков у него была лучшей в бригаде. Солдаты его были веселы, смелы, находчивы, ловки в строю, на гимнастике, и на коне.

П. Волошин

ИЗ «КНИГИ ОСКОЛКОВ»

Дон Кихата де Ла Манча

Посвящается другу моему — рыцарю верному — Юрию Герингу.

Бедный рыцарь Печального Образа,
Палладин небылой старины, —
Чистый сердцем, бесстрашный и добрый, —
Как прекрасны — и как вы смешны!

Шпора бешено дряхлую клячу,
Без раздумья, главу очертя,
Вы на помощь обиженным скачете,
Чуть слышите: женщина плачет,
Бьют раба или мучат дитя.

Свято веруя в старые басни,
Свято преданный Даме своей,
Вы идете туда — где опасней,
И сражаетесь с тем, — кто сильнее.

Но и мужество ваше, и мельницы,
Дульциней и ржавый доспех.
В нашем мире дельцов и бездельников
Вызывает от веку досельно
Лишь злорадетство, издевку и смех.

Понапрасну вы *urbi et orbi*
Возславляете Правду и Честь: —

Ничего, кроме муки и скорби
Эти бредни не могут принести.

И не тщитесь сеньор Дон-Кихата,
Обрести утешение в том,
Что — де люди глумились когда-то
И над грядшим к пропатыю Христом.

Пусть невмочно забвения плесени
Отускнить ваше с Ним имена: —
Да хоть память о вас не исчезнет,
Так ведь ваша и слава смешна...

Не смешно-ли? — с открытым забралом,
Зная Путь — только прямо и ввысь,
Ошельмованный, пищий, усталый,
Вы блюли свою клятву вассала
И ни разу врагу не сдались?

Но зато — незапятнано честный,
И свершивший свой долг напролом. —
К своему Сюзерену небесному
Вы войдете с высоким челом.

Н. М.

П л а с т у н ы

Кому неизвестно славное имя пластуна?...

В минувшие войны, присутствие на фронте пластунов вливало уверенность в победу и наводило страх на врага.

Еще во времена Запорожской Сечи, среди бесстрашных степных рыцарей, наряду с конными, были и пешие казаки. Действовали они, в большинстве случаев, на лодках.

Лодочная флотилия Запорожцев делала неоднократно смелые набеги не только на берега Крыма, но и на Анатолийское побережье Турции, и неоднократно угрожала самой столице, тогда могучей, Оттоманской империи — Константинополю.

Впоследствии, после уничтожения Запорожской Сечи и образования в 1788 г. Войска Верных Каза-

ков, их пехота, верная запорожским традициям, совершила много славных подвигов, как, например: при взятии 7 ноября 1788 года, под водительством Войскового Судьи Антопа Головатого неприступного турецкого острова Березани. В 1788 г., уже после переименования Войска Верных казаков в Черноморское, их лодочная флотилия потопила 20 ноября, на Дунае, под Измаилом, около 90 турецких судов, а в день штурма этой турецкой твердыни Черноморская пехота, составляя отдельную штурмовую колонну, вновь покрыла себя неуязвимой славой.

В дальнейшем, вся история Черноморского Войска, тесно связана с героизмом его пехоты.

После переселения в 1792 г. с Днестра на Кубань, Черноморская пехота, наряду с конными полками, в

течении десятков лет, обороняла государственную границу России по Кубани.

За участие в разбитии турецкой флотилии у Браилова 28 мая 1828 года, 1-й пеший Черноморский полк получил знамя, впоследствии переданное 1-му Полтавскому конному полку.

И, наконец, во время Севастопольской обороны, имя Черноморского пластуна прогремело на весь свет.

Пехота эта осталась верной традициям Запорожья и после того, как в 1880 году было организовано Кубанское Войско, в состав которого полностью вошло Войско Черноморское.

Русско-турецкая война 1877—78 г. г., Японская война 1904—5 г. г. и Первая Мировая война вновь показали всему свету доблесть кубанских пластунов.

Война 1914—17 г. г., явившаяся как бы лебединой песней славной Российской Императорской армии, дала много примеров доблести пластуна, как в дебрях Малой Азии, так и на полях Западного фронта и Галиции, где, например, идя по приказанию генерала Келлера на штурм сильно укрепленной австрийской позиции у Хотина, чуть не целая пластунская бригада полегла на проволочных заграждениях врага, но задание выполнила.

Уже после революции 1917 г., когда верные сыны Отечества, в течении нескольких лет, вели неравную борьбу с большевиками, отстаивая честь, право и правду, Кубанское Войско полностью участвовало в этой борьбе, и здесь, под своими боевыми знаменами, увенчанными славой, Кубанские пластуны выполнили свой долг перед Родиной и казачеством до конца.

Во время Запорожья, Войска Верных казаков и, первое время по переселении Черноморцев на Кубань, их пехота не называлась пластунами.

Пластунами в Запорожье называли охотников за дичью, которые в то время, когда не было войны, занимались своим любимым промыслом, “Пластали” грязь в плавнях. Когда запорожец хотел сказать о ком-то, что он ушел на охоту, то говорил: “лишов пластуновать”.

По переселении Черноморцев на Кубань, там были организованы пешие и конные полки, носившие отдельную нумерацию.

Официально имя пластуна появилось впервые, примерно, во время Севастопольской кампании, когда командовавший войсками Кубанской укрепленной линии Генерал Власов, впоследствии знаменитый Донской Атаман, сформировал специальные пешие команды Черноморцев, которые назвал Пластунскими.

Впоследствии, пешие Черноморские полки были преобразованы в Пластунские батальоны.

Пластуны в мирное время были только в Кубанском казачьем Войске. Во время же Первой Мировой войны появились таковые в Терском и в некоторых других войсках.

В мирное время на Кубани было 6 Пластунских батальонов, составлявших отдельную Кубанскую Пла-

стунскую бригаду. Все они несли службу на Кавказе, главным образом в Закавказьи. Их часто применяли для поимки разбойников в диких дебрях Чечни, Дагестана и Закавказья.

В 1909 г. Начальником Кубанской Пластунской бригады был назначен Генерального Штаба Генерал-майор Михаил Алексеевич Пржевальский.

Энергичный и неутомимый новый Начальник бригады обратил самое серьезное внимание на подготовку офицерского состава и боевую подготовку частей. Он часто производил дневные и ночные маневры, с большими переходами, дневную и ночную стрельбу, тактические занятия с офицерами. Он обратил серьезное внимание на подготовку команд: учебных, пулеметных и охотничьих-разведывательных. Он часто совершенно неожиданно появлялся в том или другом батальоне, делая внезапные смотры, маневры и тревоги. Иногда, уже на другой день или через день, он появлялся в одном и том же батальоне.

Пластуны, всегда искусные в стрельбе, при Пржевальском достигли небывалых результатов в Кавказском Военном округе, где стрелковое дело всегда стояло на большой высоте.

По мобилизации 1914 г., помимо шести первоочередных батальонов, Кубанское Войско выставило 12-ть второ- и третье-очередных Пластунских батальонов, составивших 2-ю и 3-ю Пластунские бригады, каждая в 6 батальонов. В течении войны была сформирована и 4-я Пластунская бригада, в составе 4-х Кубанских и 2-х Терских Пластунских батальонов.

Еще в начале Первой Мировой войны пластуны прославились славной обороной Саракамышя, под которым был уничтожен турецкий корпус Энвер Паши. Победа под Саракамышем, под командой талантливого полководца Генерала Пржевальского, прогремела на весь мир. За это славное дело пластуны получили Высочайшую благодарность, а сам Государь, как бы желая отметить доблесть пластунов, все чаще стал носить простую, серую пластунскую черкеску.

В апреле 1915 года 1-я и 2-я Пластунские бригады за исключением 1-го Пластунского батальона, оставленного по особому ходатайству Командующего войсками Батумского укрепленного района Генерала Ляхова, в составе Кавказской армии, составили десантный корпус для переброски на берег Малой Азии. Батальоны были сосредоточены для погрузки в Севастополе.

18 апреля, здесь состоялся Высочайший смотр обеим бригадам. Государь Император сердечно благодарил пластунов за верную и доблестную службу Отечеству. Помимо боевых наград, которые Государь лично роздал офицерам и казакам, все первоочередные батальоны получили шефство:

2-й батальон — Е. И. В. Великой Княжны Ольги Николаевны;

3-й батальон — Е. И. В. Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича;

4-й батальон — Е. И. В. Великого Князя Георгия Михайловича;

5-й батальон — Е. И. В. Великого Князя Бориса Владимировича;

6-й батальон — Е. И. В. Государя Императора Николая Александровича.

Многие батальоны получили Георгиевские знамена и Георгиевские ленты на сигнальные рожки.

1-й Пластунский батальон еще до войны имел шифром Е. И. В. Великого Князя Михаила Николаевича.

Но пластунам не пришлось участвовать в десанте, который, в виду обстановки на фронте, был отменен и обе бригады были переброшены на Западный фронт, где покрыли себя новой славой.

В течение всей войны, Пластунские батальоны соперничали в доблести и отваге друг с другом, не зная поражений, хотя зачастую Командование посылало их на самые ответственные участки фронта.

Потери в батальонах были огромные. В первых двух бригадах вышло из строя убитыми и ранеными свыше 80% офицеров и казаков. Батальоны непрерывно пополнялись. Было много офицеров и казаков, которые по несколько раз возвращались, после тяжелых ранений, в ряды родных батальонов.

Генералы Пржевальский, Гулыга, Попов, Окулич, Краснопевцев, Третьяков, Букретов, Расторгуев, Гейман, Ходкевич и др., доблестно вели своих пластунов от победы к победе, и закаленный дух чудо-богатырей пластунов всегда побеждал.

Подвиги пластунов были отмечены высшими наградами: Генерал Пржевальский был награжден орденами Св. Георгия 3-й и 4-й степени и Георгиевским оружием, Ордена Св. Георгия 4-й степени, или георгиевское оружие, а зачастую, то и другое, получили Генералы Гулыга, Третьяков, Расторгуев, Гейман, Букретов, Ходкевич, Краснопевцев, Джалюк; Полковники: Зеньковский, Квартковкин, Фесенко, Серафимович; Войсковые Старшины: Марченко, Белявский, Кучапов; Подъесаул Кайтов, Сотник Зайцев и др...

Почти все строевые пластуны были награждены Георгиевскими крестами и медалями.

Тысячи пластунов сложили свои головы во славу Русского оружия и своей Родины.

Многие вернулись с войны инвалидами, без рук, без ног, искалеченными, как Ген. Третьяков, Полк. Капуста и Скоробогач, Войсковой Старшина Строкач, Приказный М. Гордиенко и многие другие.

Октябрьская революция 1917 г. уничтожила мно-

гих лучших сынов России и доблестную Русскую Армию.

По возвращении на Кубань, в 1918 г., пластуны сразу же приняли участие в борьбе с большевиками, за освобождение Родного края от их полчищ.

Первоначально были сформированы отдельный Улагаевский пластунский батальон и Кубанский стрелковый полк, принявшие участие в бессмертном 1-м Кубанском Генерала Корнилова походе.

В дальнейшем, в течении гражданской войны, пластуны были объединены в 3 Пластунских бригады, которые победоносно вели в бой старые, испытанные пластунские Командиры: Генералы Гейман, Ходкевич, Цыганок, полк. Зозулин, Бедаков, Запольский, Кучапов, Щегловский, Серафимович, Тупалов, Поголин и др.

Не суждено было Добровольческой армии освободить Родину и, после долгой, неравной борьбы, в конце 1920 г., вместе с последними борцами Белой Армии, покинули пределы своей Родины и доблестные пластуны.

Уже за-границей ушли из жизни: Ген. Пржевальский, Гулыга, Гейман, Ходкевич, Цыганок, Расторгуев и многие другие пластуны.

Мало нас осталось за-границей, масса доблестных сынов Кубани погибло в застенках от рук чекистских палачей, много рассеяно по необъятным просторам нашей Родины, но мы верим, что недалеко тот час, когда Господь Бог воскресит нашу многострадальную Родину, а вместе с нею и непобедимую Русскую Армию, в рядах которой вновь займут достойное место доблестные Кубанские пластуны.

Вспоминая же о храбро погибших в боях лихих пластунах, мы вправе сказать:

Спите орлы боевые,
Спите спокойной душой,
Вы заслужили, родные,
Славу и вечный покой.

Заметка эта написана исключительно по памяти и вполне возможно, что в ней невольно допущены неточности. Но главную задачу автора было возобновить в памяти читателей страницу о непобедимой нашей пехоте — О КУБАНСКИХ ПЛАСТУНАХ.

В. Третьяков

ПРОДАННАЯ СОТНЯ

Было это уже после заключения перемирия с японцами, в ожидании ухода на зимние стоянки.

— Беда, господин поручик, Бобков и Сапков вернулись с фуражировки, да, никак, у обоих кони сапные, — докладывает мой зауряд-прапорщик Васеев. За воротами импани, в которой была расположена моя команда конных разведчиков, наши неразлучные аяксы держали в поводу лошадей. Беглого взгляда было достаточно, чтобы определить, что с конями неблагополучно. Дышали они порывисто и нервно боками.

А когда я карманным зеркальцем запустил им в ноздри солнечного "зайчика", то сомнения не было — сап: слизистая оболочка была изрыта язвами, выделявшими гной. Команде фуражиров я приказал разбить отдельную коновязь, вне импани. Всем фуражирам были вымыты руки раствором сулемы, а больных лошадей отвели к обрыву оврага. Вызванный из штаба отряда, ветеринар, подтвердил мой диагноз. Странные были клички у этих лошадей. Коня, повыше, звали "Бусый", так в Сибири зовется довольно редкая

масть — вишневая. Серенький монгол, поменьше, звался “Утиг”. Как я ни старался, так и не мог добиться значения этого слова.

Лошадей поняли к самом обрыву. “Бусый” принял смерть незаметно — осел на задние ноги, оборвался в овраг, перевернулся через голову и грузно ударился о дно оврага. “Утиг”, взволнованный выстрелом, сразившим его друга, перебирал ногами, так что ветеринар долго не мог засунуть дуло тяжелого. Смирта и Вессона в ухо обреченного. И, видимо, пуля не прошла через жизненные центры. “Утиг” взвился на дыбы, повернулся на ногах, ринулся под обрыв и, упав головой на круп “Бусого”, еще долго дергал ногами. Я приказал из ближайшего городка, привезти негашеной извести, чтобы засыпать трупы.

До самого рассвета, ворочался я на своей походной кровати, системы Гинтера. Мерещились мне всякие ужасы: табун сапных коней ворвался во двор импани и грызет лошадей моей команды, те, сорвавшись с коновязей, носятся со ржанием по двору и лезут ко мне в окно. Но, все оказалось в полном порядке. Лошади мирно дремали, вздрагивая от предрассветного холода. В штабе отряда запела казачья труба.

— Вставать людям, — прохрипел простуженный бас дежурного.

— Вставать людям, выходить на уборку, — на разные голоса выкрикивали дневальные... И день начался.

На карантинной коновязи заболевших пока не было, но это еще не утешение, ведь существует какой-то инкубационный период и моя взволнованная фантазия рисовала неудержимое распространение эпизоотии на всю мою команду, и я уже видел себя в арестантском халате. После обеда, ко мне зашел Васеев.

— Был у меня сейчас, господин поручик, вахмистр конной батареи с Кавказа. Говорит, что им уже назначена погрузка, но, только приказано лошадей не брать, а продать их китайам. Завтра, после обеда, у них в Балашмыне, назначен аукцион. Да он говорит, что китай не дюже охочи до таких лошадей — велики, мол, для ихних арбов не годятся.

Как молния меня пронизала мысль, и стала крепнуть и развиваться. Надо дерзать... Надо рискнуть... Только в этом спасение. Ознакомив с моим планом офицеров и взводных моей команды, я приказал переводчику объявить по ближайшим деревням, что завтра, с восьми часов, назначаю аукцион всех лошадей команды.

— Да, кстати, Васеев, засыпали ли известью пристреленных лошадей?

— Никак нет, господин поручик. С этим вышел один конфуз. Подъехали это мы к оврагу с известью, глянь — а в овраге то трупов и нет. Китай их к себе забрали... на порции, значит...

Моя фантазия заработала еще ярче: эпидемия перешла на китайцев, от них перекинулась к нам и вот вся моя команда вымирает от этой ужасной болезни. Скорей.. скорей.., надо принимать какие-то меры. Сно-

ситься со штабом полка нет времени, до него 30 верст, да и толку не будет... Заведующий хозяйством сам не решится на такую операцию, а когда придет отмест от штаба дивизии — конной батареей и след простынет. Тем же временем, сап выкосит и лошадей, и стрелков моей команды.

Я помчался в Балашмынь, до которой было 5—6 верст. Командир батареи, представительный полковник, кавказского типа, Георгиевский кавалер, выслушав мое предложение, хлопнул меня по плечу.

— Bravo, поручик. Этим вы и меня выручите — мои лошади попадут в хорошие руки. Жаль было бы отдавать их китайцам. Распоряжение штаба армии продавать лошадей местному населению, не дешевле, как по 35 рублей. Китайцы уже шпыряют и принимают, но, такой цены не дают. Кони слишком рослые для их запряжек. Я уже хотел запросить новые инструкции, да, вот вы подвернулись и все разрешается к общему благополучию: у меня не будет душа болеть за моих боевых друзей, а вы получите такой конский состав, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Сколько вам надо лошадей?

— Самое меньшее — 120.

— Ну, столько то у меня найдется.

— А по сколько вы назначаете за лошадь?

— Да, не парушая инструкций, могу назначить по 40 рублей за голову, на круг. Согласны?

Никогда в жизни не стучало так сильно мое сердце. Момент был решительный — пап или пропал... Смогу ли я, завтра, продавши всю команду, выручить эти 5.000 рублей, чтобы заплатить командиру батареи.

— Ну, чего задумались? Раз, два, три...

Спазма сжала мне горло.

— Согласен, с трудом выдавил я роковое слово.

— Но только — отец дьякон — деньги на кон, — улыбнулся полковник.

— Господин полковник, я слышал, что продажа назначена на завтра? Нельзя ли отложить ее на день? К этому времени, деньги будут у меня полностью.

Полковник задумался и, вопросительно посмотрел на своего заведующего хозяйством.

— Я думаю, что можно... Как ты думаешь Арчилл?

— Да у меня аукционные ведомости еще не готовы. Можно отложить.

— Только, уже к восьми часам будьте со своими людьми.

— Господин поручик, китайцы набилась целная масса, — докладывает Васеев, — прикажете впустить во двор?

— Никого в импани не пускать. Вынесите столы в поле. Начнем с карантинной коновязи.

Когда я взглянул на галдящую толпу китайцев и приказал ее отеснить, чтобы очистить место для торга, все мои тревожения улеглись и я, с уверенностью в успехе, приступил к аукциону.

Васеев, по списку, вызывал конного охотника, тот подводил своего коня и останавливался в десяти ша-

гах от моего стола, и называл пол, и кличку лошади. Переводчик Мишка, взобравшись на стол, сзади моего, получив от меня начальную цену, орал в толпу эту цифру, по-китайски, размахивая плетью. В толпе начинался неимоверный галдеж, в котором я никак не мог разобраться, но Мишка, своим привычным ухом, улавливал надбавки и кричал мне:

— Двадцать два лубли... Тлiscать лубли...

Желая избавиться от карантинных лошадей в первую голову, я назначил на них начальную цену в 20 рублей. И, хотя подозрительных признаков обнаружено не было, я торопился сбыть их и стучал обухом топорика, не допуская подыматься выше 35 рублей. Мой помощник, “младший корнет” Васильев, получал деньги. Только что произведенный из вольноперов, прапор Александров, помогал ему и отмечал в списке. Карантинная коновязь опустела в четверть часа. Стали выводить лошадей из импани. Я следил, чтобы лошади шли по сорок рублей на круг и, в этом смысле, варьировал оценки. Иногда, два-три китайца хватали лошадь за повод, оспаривая свое право, тогда Мишка бросался к ним и, размахивая нагайкой, но не пуская ее в ход, под моим угрожающим взглядом и жестом, утверждал в правах владения одного из претендентов.

После обеденного перерыва, были проданы последние два десятка лошадей и все коновязи опустели.

— Ничего, все образуется, утешал меня “младший корнет”, когда я высказывал свои опасения — а, вдруг, командир батареи получил новые инструкции и аукцион отменяется? Или прискачет казак от князя Трубецкого, с приказанием стать на летучую почту, а у меня ни одной лошади? И снова мне мерещится арестантская куртка.

— Теперь уже ничего не поделаешь... “Рубикон перейден”, — добавил мой, философски настроенный, “корнет”.

— Мало того... даже корабли сожжены, — указал я на пустые коновязи, около которых возились стрелки, сгребая в кучи солому, обжигая колья и обливая карболкой канаты коновязей, перенося их на новое место, вне импани... Карантинную коновязь я приказал сжечь.

— Смирно... Шашки воп... Слушай на-караул... Господа офицеры, — скомандовал я при выходе командира батареи из его импани, к развернутому фронту моей команды и, с шашкой “под-высь”, пошел ему навстречу.

— Господин полковник, Конно-охотничья команда 19-го Восточно-Сибирского стрелкового полка выстроена для приветствия, — отрапортовал я, салютуя.

Полковник был явно тронут такой неожиданной встречей. Дружно рявкнули стрелки обычную фразу приветствия и “ели глазами” проходившего по фронту полковника. Все мои сомнения рассеялись и тре-

волнения улеглись, когда я увидел в просвет ворот коновязи, лошадей с навешанными торбами и несколько столов, приготовленных, видимо, для аукциона.

Командир батареи приказал удалить из импани десятка два, болтавшихся там, китайцев, и закрыть за ними ворота.

— Не удивляйтесь, поручик... Никакого аукциона не будет.

От этих слов, у меня душа ушла в пятки.

— Все уже сделано, лошади ваши... Только деньги на бочку.

Как ртутный столб в термометре, стала подниматься моя бедная душа, но еще не дошла вполне до места: какая же сумма? Хватит ли денег?

Заведующий хозяйством подал мне аукционную ведомость и предложил мне ее проверить. Замелькали цифры, защелкали костяшки на счетах. С каждым итогом, каждой страницы, ко мне все больше и больше возвращалось самообладание и, прочтя цифру общего итога, я испустил вздох облегчения. На кучку кредиток, вырученную от вчерашнего аукциона, пришлось добавить из собственного кармана только одну синенькую пятирублевку. Полковник прижал кучку дистанционной трубкой.

— Ну, все в порядке. Начинайте выводку, — и полковник сел рядом со мной.

— Конь “Абрек”, шести лет, завода князя Абамелекова, — держит под узцы гнедого красавца, лихой фэйерверкер.

— Взводный Какаулин, — вызываю по списку, — принимай коня.

Сияющий сибиряк уводит в сторону своего нового товарища, смотрит на него восторженным взглядом и гладит по шее.

— Кобыла “Варта”, семи лет, завода неизвестного...

— Ефрейтор Седов, — принимай...

И передо мной мелькают, один краше другого, карабахи, дагестанцы, кабардинцы, все только темных мастей. Тут были и “Абрек”, и “Бурдюк”, и “Вано”, и “Аракс”, и “Арагва”, и “Баязет” и “Вихрь” — все только на первые три буквы алфавита. Взвод за взводом скрывалась за воротами вновь приобретенная, уже теперь несомненная, собственность моей команды. Все это мне казалось прекрасным сном...

— Ну, поздравляю вас, поручик, — пожимает мне руку полковник, — я рад что мои кавказцы попадут в мягкий климат Уссурийского края.

Предполагалось, что мы вернемся в Имань, на самом же деле, по новой дислокации, нашу дивизию загнали в Забайкалье.

Начальник дивизии делает смотр моей команде.

— Откуда у вас такой дивный конский состав? — спрашивает меня генерал. Выслушав мой доклад, он обращается к командиру полка:

— Воображаю, в какую копейку обошлась вам эта комбинация?

— Поручик вам доложит, Ваше Превосходительство.

— Что?.. Да этому поверить нельзя!.. Это арабские сказки!.. Вы меня морочите... И когда командир полка подтвердил, что действительно покупка всех лошадей для команды обошлась в пять рублей, Начальник дивизии развел руками и только повторял:

— Непостижимо... непостижимо...

Когда же, за завтраком, я рассказывал подробно-сти приключения, и мои переживания, то генерал заключил:

— Да, арестантская куртка была необыкновенно

близко от вас. Хвала вам, что с честью вышли из такого крутого положения. Константин Николаевич, — обратился генерал к Начальнику Штаба, полковнику Самойлову, — отдайте в приказе особую благодарность поручику.

— Смелость города берет и победителей не судят, — сделал мне комплимент мой “младший корнет”.

— Все хорошо, — что хорошо кончается, — чокнулся я с ним.

П. Суцильников

Сторожевое охранение

(Из цикла “Кавказская Туземная Дивизия”)

После удачных боев в Галиции, с продвижением вперед, Кавказская Конная Туземная Дивизия расположилась на ночлег. От полков было выставлено сторожевое охранение, в которое была назначена и моя первая сотня. Неприятель был близок. Выставив посты, и осмотрев, насколько это было возможно в сумерки, местность, я вернулся на заставу в свой, наскоро сложенный из веток, шалаш. Телефонисты в нем к тому времени уже установили связь.

Доложив по телефону в Штаб полка, что охранение расставлено, я, чувствуя усталость, прилег на траву и, завернувшись в широкую, кабардинскую бурку, крепко уснул.

Была чудесная осенняя теплая ночь, но по утрам уже тянуло холодком и земля окутывалась туманом, который быстро разгонялся лучами утреннего солнца.

Чуть только рассвело, я пошел по своему сторожевому участку, проверять посты. Иду по опушке леса, за ним обрыв, а там далее, на пригорке, неприятельское сторожевое охранение. Вскидываю бинокль, вижу, что и там, у неприятеля, тоже жизнь проснулась и заметно какое-то шевеление.

Подхожу к своему часовому Мамед-Селиму, стройному, молодому жгучему brunetu, с красивыми бархатными глазами, которые так часто можно встретить среди елисаветпольских татар. Мамед чем-то заинтересован, взгляд его устремлен куда-то в даль.

— Здравствуй, Мамед. Что нового видел?

Мамед, не ожидавший начальника, как кошка, вскакивает на своих пружинистых ногах, быстро поправляет на голове папаху, у пояса кинжал и, с неподдельной радостью, что увидел своего командира, скромно, детски улыбаясь, мягко отвечает:

— Моя ничего нового не видаль, крягом покойна.

Подхожу ближе к оврагу, навожу на противоположную сторону бинокль, спрашиваю:

— Что это там, Мамед, какие-то черные точки у леса?

Мамед невооруженным глазом давно уже эти точки видел, и их распознал.

— Там, Ваша Высокобародн, немножко барашка гуляет, травка кюшит. — отвечает конфузливо Ма-

мед, так как знает, что я угадываю его сокровенные мысли относительно этой, мирно пасущейся компании барашков.

Оставляю Мамеда любоваться барашками, иду далее над обрывом по линии сторожевой охраны.

Кавказская Туземная конная дивизия, прозванная “Дикой”, была сформирована из кавказских горцев. Полудикие, почти без всякой военно-уставной подготовки, в большинстве случаев, не знавшие русского языка, они разрешали возложенную на них задачу, благодаря природным дарованиям и исключительной любви к военному делу. Наездники они были почти все очень хорошие. Боевую дисциплину инстинктивно усваивали, что же касается дисциплины внутренней, домашнего распорядка, вне боя, то этого они не понимали, и только года через 2—3 с трудом одолели, и то не полностью. Ближайшие начальники должны были зорко следить, дабы предотвратить во время, могущие быть недоразумения, в особенности в области взаимоотношений с местными жителями, которых, по ту сторону границы, горцы считали врагами России, а следовательно и своими. Недоразумения все-таки бывали постоянно и на эту злободневную тему наш командир полка Петр Николаевич Цоловцев, как-то за обедом сложил песню:

Из Ганжи и Карабаха
С Барчалинцами пришли,
Слуги верные Аллаха,
Храбрецы родной земли.
Жены, девицы рыдали,
Глядя с ужасом на них,
И в объятьях утопали
Наших всадников лихих.
Застонали все Рутени,
Под татарскою пятой,
Били их, не зная смены,
Скот их гнали на убой.
Эти вопли и стенанья
Слышит грозный бригадир,
И кричит в негодованьи:
Где-ж Татарский командир?

И пошла, пошла расправа,
Приуныла вся орда,
И татар, зловещих, слава
Приумолкла навсегда.
Командир понять не может
Эту грусть и тишину,
Грудь его порою глохнет,
Слыша лишь одну зурну.
А народ, в своем смирении,
Сохраняя тишь и лень —
Гонит скот им на съеденье
Из далеких деревень.

Утренний туман еще не совсем рассеялся. У поворота, где обрыв был более крутой, туман как будто задержался; сквозь белину его, различаю папаху и ствол винтовки другого часового.

Это всадник внушительного вида Керим, барчалинский татарин, высокого роста красавец брюнет, лет 30-ти, великолепного сложения, со спокойным взглядом. Последние годы перед войной он разбойничал на Кавказе; по объявлении войны был прощен, спустился с гор и был зачислен в Татарский конный полк. Среди татар он пользовался большим уважением, впрочем, как и все вообще разбойники.

Все движения его были очень эластичны, когда же Керим начинал говорить, с каким-то придыханием, пропуская сквозь зубы слова, с затаенной какой-то особенной страстностью, то чувствовалась в нем, рвущаяся наружу, внутренняя кипучая сила, которую он, с присущим горцу тактом, сдерживал. По-русски он говорил сносно. Увидев меня, Керим бесшумно встает.

— Здравствуй, Керим.

— Здрави желаю, Ваши Высокоблагороди!

— Это ты, наверное, Керим, затеял здесь войну, опять стрельбу поднял?

— Эта, Ваши Высокоблагороди, австрийки часовой мины стрелял, а я его стрелил. Садись, Ваше Высокоблагороди, сейчас австрийки стрелить будет.

И, действительно, не успели мы присесть, как над нашими головами провистела пуля.

Дав совет Кериму по пустякам не стрелять, и не рисковать даром жизнью, иду дальше. Совет мой действует не более, как на 5-10 минут, а затем поведение "австрицкого" часового снова возмущает Керима, и пальба возобновляется. С этой стрельбой бороться было бесполезно, так как горцы плохо усваивали, почему собственно на войне не надо убивать врага.

Проверив посты, возвращаясь к себе на заставу, беру телефонную трубку, желая проверить связь, и совершенно неожиданно для себя, слышу по телефону разговор. Говорит кто-то очень быстро, волнуясь, с сильным восточным акцентом:

— Это Штаб дивизии? — спрашивал взволнованный голос.

— Так точно, — писарь Иванченко.

— Папраси к телефону начальника штаба, ска-

жи, что просит штаб-ротмистр М., нахажившийся в староживом ахрании...

— Начальник Штаба сейчас отсутствует, есть только поручик А. — отвечает писарь.

— Вот и атлычно... папраси живо поручика к телефону...

Штаб дивизии был расположен в хорошем помещичьем доме. Высокие комнаты давали большой резонанс, благодаря которому было четко слышно, как к телефону, не спеша, подходил поручик А., звеня шпорами.

— Кто меня спрашивает? — заговорил он фатоватым тоном, не спеша, и слегка картавя.

— Это я, штаб-ротмистр М., командир сотни староживого ахрании.

— А, здравствуйте, штаб-ротмистр, что скажете хорошенького? — продолжал тем же спокойным тоном поручик А.

— Хорошенького нычего вам не могу рассказать, — скороговоркой, волнуясь, говорил командир сотни: — я никак не могу связаться с штабом полка... мне необходимо на папмогу еще хоть взвод, так как, через речку, пратекающую перед линией сторожевого охранения, значущуюся по вашим канцелярским картам — непроходимой... ишак пешком прайдет... а за рекой стоят не ишаки, а немцы...

— Хорошо, я сейчас дам знать в штаб полка, — говорил спокойно поручик А., — только не надо, штаб-ротмистр, так волноваться и нервничать, все это пустяки.

Этот спокойный, покровительственный тон, обладателем коего, являются по большей части, чины штаба, находящиеся вдали от позиции, видимо не пришелся по вкусу командиру сотни, вдобавок в это самое время слышно было, как к поручику А. подошел какой-то нижний чин штаба, громко доложивший:

— Ваше Высокоблагородице, шашлык готов, прикажете подавать?

От этого командир сотни пришел окончательно в ярость, и, чеканя каждое слово, громко проговорил:

— Если бы переда мной были не немцы, а шашлыки, то я тоже бил-бы очень спокоен и в помощи не нуждался.

Мне, как постороннему свидетелю этой ссоры, стало неудержимо смешно и я начал смеяться. Штаб-ротмистр еще немного поворчал, хотя его уже штаб дивизии не слушал и опуская трубку, проговорил:

— Скажи пожалуйста, какой Суворов нашелся.

Наступила тишина и я, связавшись со штабом полка, доложил о благополучии. Полковой адъютант сообщил мне, что только что получено распоряжение о выступлении полка, так как австрийцы очищают позиции и, чтобы я с сотней присоединился к полку в таком-то часу.

Дорога наша шла, как раз, через ту неприятельскую деревню, которая была перед моим сторожевым охранением, и которую я разглядывал в бинокль. Вот церковь, поляна и опушка леса, но пасущихся барашков уже нет, торчат лишь какие-то три, четыре пня. Зову Мамед-Селима.

— А ведь мы с тобой, брат, кажется, ошиблись — эти пни приняли за баранов.

— Никак нет... Мамед ошибка не давал; барашка была шесть штук. Прикажи, Мамед искать будет, моя знай, куда барашка гуляй пошел, — сказал он уверенно, показав в сторону леса.

Разговаривать долго на эту тему было некогда, так как пришло приказание сотне продвинуться рысью вперед и идти в голове полка. Пройдя верст 15, полк остановился в одной деревушке, где и заочевал.

Под вечер, я прошелся по расположению своей сотни, она занимала окраину деревни. Немного даль-

ше — в поле, горел костер, вокруг которого суетилось несколько всадников. Раздавались голоса, среди которых выделялся голос Мамед-Селима, отдававшего какие-то распоряжения. От костра тянуло жареным.

Проблуждав по деревне еще с полчаса, я вернулся в свою хату, где дежик мой, Константин Зацепин, ловкач на все руки, предложил “отведать шашлыку”, с видом, как будто бы сам нашел барапа и зажарил. На утро, перед выступлением, поздоровавшись с сотней, и пропуская мимо себя строй всадников, я увидел Мамеда, который, с чуть заметной улыбкой, проезжая мимо меня, опустил голову.

Полковник *Немирович-Данченко*

Гусарская застава

15 августа 1915 года, австро-германцы, прорвав фронт на участке Владимир-Волянский — Порицк, занимавшийся, вернее наблюдавшийся, сторожевым охранением нашей конницы, густыми колоннами, через Рожище и Луцк, двинулись на Ровно. Им противостояли героические полки 4-й стрелковой дивизии (генерала Деникина) и 7-й кавалерийской, у м. Клевани и дер. Постойно. Левый фланг 3-й армии генерала Леша оторвался верст на 30 от правого фланга 8-й генерала Брусилова. В образовавшийся прорыв, беспрепятственно вливалась австрийская конница, поддерживаемая своими егерскими батальонами. По глубоким тылам поползли панические слухи — уже говорили о германской пехоте в Сарнах, о венгерских разъездах у Олевска.

Но, к прорыву уже спешила 11-я кавалерийская дивизия, дабы прикрыть подступы к переправам на реке Горынь, и восстановить утраченную связь с 3-й армией. Развернувшись к западу от Горыни, дивизия двинулась, веером своих разведывательных эскадронов, вперед, навстречу кавалерии противника. На линии Колки — Гараимовка, наши разъезды столкнулись с разъездами австрийцев, подошли полки, развернули сторожевое охранение.

Уже вторые сутки моя сторожевая застава, 1-й взвод 1-го эскадрона Изюмских гусар, занимает участок по опушке глухого бора, в двух верстах к востоку от занятой противником дер. Гараимовки. Впереди нас просека, шириной шагов в триста. Влево, в лесу, верстах в двух, соседняя застава Чугуевских улан. Интервал, изредка, и только днем, наблюдается дозорами связи.

Проходит вторая ночь. В розовом тумане рассвета, на фоне коричневых стволов противолежащей опушки, заколыхались голубые очертания — цепь противника. Гусары застыли у соседей, в напряженном внимании. Прошло несколько минут... Немая тишина нарушалась лишь частыми падениями созревших шишек. Вот от цепи отделяется два дозорных. Склонившись, как бы от тяжести своих рыжих ранцев, они медленно идут на нас.

— Огня не открывать, пропустить живыми, — шепотом передается команда.

Все ближе и ближе подходит дозор. Вот уже простым глазом видна рыжая борода одного из них. Их взоры направлены вглубь леса, поверх наших передвижных голов. Чудилось, — слышал их дыхание, когда проходили от меня шагах в десять. Два мощных удара коваными прикладами и глухо рухнули оба дозорных на мягкий ковер опавших игол.

Сквозь гущу стволов, противник, вероятно, не заметил гибели своего дозора и, полагая нашу опушку незанятой, цепью человек в 50, спокойно двинулся вперед.

— Огонь по свистку, — еле слышно команду я.

Не торопясь, вкладывают в плечо приклады своих винтовок гусары. Совсем близко надвинулась цепь противника — шагов сто от нас. Бешеной трелью разлился свисток, мгновенно затрещали гусарские выстрелы, разом бухнули на землю австрийцы, оплетенные еле видимыми облачками взрывающейся на наших пулях, земли. Цвет кадра Российской конницы был, как на учебном стрельбище мирного времени. Поползли назад уцелевшие, неподвижными пятнами остались убитые и раненые.

Густо засипела вражья опушка, подошли новые части, звонко, бичами захлестали пули по соснам. Уже два гусара ранено: один пополз назад, другой — остался умирать, с простреленным горлом, в цепи. Два раза до полдня поднимались цепью австрийцы, стараясь одним броском преодолеть разделявшую нас просеку и оба раза их порыв рассеивался метким огнем гусарской заставы.

А, в это время, котлом кипящим неумолчно гудел бой влево назад, где-то у Клевани. К двум часам пришел, запылавшись, в поту, гусар связи с уланской заставой — уланы, захлестываемые слева, отходят на новый рубеж, верст на десять назад. Посылаю донесение командиру эскадрона. Ответ: “Ни шагу назад, — оставаться на месте во что бы то ни стало до ночи”.

Томительно потянулись, как бы застыли, часы. Часам к пяти, посланный влево пост доносит, что

противник, перебегая по одному, накапливается на нашей опушке. Проходит минут двадцать. Прибегает весь полк — два гусара, противник идет следом. Оставив на главном направлении пять человек, меняю фронт, заставы налево. Бесшумно, как змеи, переползают гусары. В тишине слышу биение своего сердца; впереди легкое потрескивание сучьев и сразу появляется группа австрийцев, человек в десять. Свисток — захлебываются наши винтовки. Но, что это? Все гусары срываются, как бешеные, вперед. Я тоже невольно бегу за ними — австрийцы, бросая карабины, поднимают руки. Короткий допрос и один фендрик и семь драгун 10 полка отправляются мною с одним конвойным к командиру эскадрона.

Оказалось, что унтер-офицер Безручко, по своей инициативе, бросился на опешивших австрийцев, увлекая за собой весь взвод, и корнету пришлось только постараться не отстать от своих гусар.

Спустились сумерки, мгла окутала заставу. Нас всего 15 винтовок, а с той стороны доносится многолюдный говор, звенящие звуки, врезающихся в землю и корни, лопат. Стараюсь проникнуть в думы моих людей: покойная, без малейших признаков сомнений или колебаний, твердая верой в себя, выкованной годами казармы и двенадцатью месяцами боевой страды, лежит гусарская заставка. Хоть ночь и безпокойна

своей тьмой, неслыханными шорохами, но, знаю по опыту, что противник вряд ли шевельнется до утра. Слышу шопот:

— Где корнет?

— Да подле, на дороге.

Ко мне подходит гусар связи от командира эскадрона:

— Ваше благородие, так что пехоту веду, много ее.

Настороженное ухо почувало шаги сзади. Подошло три теня.

— Я начальник команды разведчиков 284 пехотного Венгровского полка. За мной идет батальон авангарда. Сдайте ваш участок.

Когда гусарский взвод шел на присоединение к своему эскадрону, вдоль всей дороги, под соснами, уже лежали густые колонны дремавшей пехоты. То были головные части 30 корпуса, спешно переброшенного из Буковины на Ровно, и направленного на участок 11-го гусарского Изюмского полка, который, уступом вперед, удержав свое расположение, дал возможность пехоте, внезапным ударом во фланг, зарвавшегося на Ровно, противника, захватить Софиевку, Киверцы и двинуться со всей, перешедшей в контр-наступление 8-й армией, на Луцк и Рожище.

Изюмец

Случай на царском смотре в Чугуеве

В 1890 г. пришлось мне слышать от Эстандарт-Юнкера С-ва этот рассказ из его семейной хроники.

Стало известно, что летом приедет в Чугуев Император Николай Павлович и будет смотреть там собранные войска. Кирасиры и легкая кавалерия стали усиленно готовиться к смотру. Командир полка послал всем офицерам проживающим по своим деревням и именным приказ немедленно прибыть в полк без всяких отговорок.

Младшие офицеры большее время числились в отпуску, мало интересовались и службой и жалованием и не спрашивали, кто его получает, а когда бывали в полку, посылали своих денщиков узнать сколько пужно доплатить, а если, что получить, то пусть они возьмут себе, и служили из-за чести и мундира.

Но тут делать было нечего и пришлось ехать в полк, заняться службой и готовиться к смотру. Занятия производились усиленно, но без вреда для конского состава, т. е., "тела" играли самую важную роль и еще после войны 77 года кавалерия водила лошадей на плац в поводу, не садясь на них — "для сбережения коней". И при мне еще бывало, что когда зимой младший офицер просил устроить езду старослужащим, эскадронный командир с неудовольствием говорил: "Какая там езда, и так два раза в день на водопой ездят". Лошади были выезжены слабо, а собственные офицерские, тем более, да и сами офицеры садились на них редко поручая проезжать вестовым.

Но вот приближалось время смотра, занятия велись все усиленнее, и, начальство все высшее и высшее производило смотры, делало свои замечания и указания и смотрело в том порядке, как всегда производились смотры.

Наконец наступил и день Высочайшего смотра. Кирасиры стояли в линии взводных колон. Все ожидали, что полк построит развернутый строй и пройдет мимо Императора Николая Павловича церемониальным маршем.

Но вдруг последовал сигнал: "Рысью". Полк двинулся вперед, и неожиданно был подан сигнал: "Артиллерия на позицию" и "В карьер". По этому сигналу каждое орудие должно было пройти в интервалы между эскадронами и, став на позицию, открыть огонь и поддержать атаку кавалерии.

Шт.-Ротм. С. был перед первым взводом, его лошадь, испугавшись, услышав шум и грохот артиллерии, бросилась вперед, он с ней не справился и она прикнула к орудийной запряжке, к тому же его шпора зацепилась за ремень шпоры ездового, а тяжелая кирасирская лошадь не могла скакать наравне с ездовыми. При всем старании освободить свою ногу это ему не удавалось.

Вот приближаются они к месту, где стоит Император, который, конечно, обратит внимание на скачущего среди артиллеристов, кирасир. Тогда, обладая большим ростом, грузным сложением и громовым голосом Шт.-Ротм. С. командует: "Батарея стой".

Батарея и все остановились, не доходя до Государя. Пыль покрывает всю батарею, кирасир освобождают свою погу, и скрытый пылью, спешит к своему месту.

Государь гневно спрашивает: "Кто осмелился командовать СТОЙ, когда я подал команду — Карьер?"

Командир батареи докладывает, что он не командовал, стараются узнать, кто командовал, но это не удается.

Тогда Государь строго приказывает: "розыскать".

Делать было нечего и Шт.-Ротм. С. предстал перед Государем, который ему сказал: "Как ты осмелился командовать: " батарея стой, — когда я велел идти ей — в карьер?"

Шт.-Ротм. С. подробно доложил, как он не справился со своей лошадию и как зацепился за ездового артиллериста, и как его лошадь не могла скакать наравне с артиллерийской, и что ему неминуемо пришлось бы упасть и быть раздавленным пушкою.

Вероятно он испуганно и комично выглядел.

Император улыбаясь, милостиво сказал: "Ну и дурак, зачем-же ты становился перед 1-м взводом, становись перед 2-м — поезжай на свое место".

Смотр продолжался дальше и благополучно окончился.

После смотра Шт.-ротм. С. написал рапорт об отставке и подал К-ру полка. Тот был очень удивлен и сказал ему: "Вы теперь лично известны Государю, у вас может быть впереди карьера и при том, я не могу принять ваш рапорт. Если Государь меня спросит, почему вы хотите оставить службу Его Величества — я же не могу сказать, что вы обиделись? — Вот что, поезжайте, после смотра, к себе в деревню и сидите там тихо и смирно, я вас требовать в полк не стану, а отставку возьмите обратно".

Таким образом, дед или прадед Эстандарт-юнкера С. уехал к себе в деревню и только через некоторое время ушел в отставку.

С. Можаров.

Н е г р у с т и

Не грусти о гнедой кобылице,
Что тебе привел из степей,
Где, в душистой сплелись небылице,
С ковылем, и цибрец, и репей;

И что слезы твои оросили,
Еще теплый подушек шевро,
Когда очи навек уносили
Твоего же завода тавро;

Как красавица храл положила,
И была за плечами легка,
Она верно тебе отслужила,
Проводила в поход казака...

Не стыдись, что в разрывах шрапнели,
Ты оставил ее на моту,
И что в трюме, на рваной шинели,
Как мальчишка, рыдал на полу.

Знать, взаправду, жалел ты подругу,
Если, боль позабыв своих ран,
В этот день, как любимому другу,
Не вложил в ее ухо наган...

Не грусти-ж, о гнедой кобылице,
Из задонской душистой степи,
Не горюй в чужеземной столице:
Ты — казак. Не кручинься, терпи...

Иван Сагацкий

ИЗ ЖИЗНИ КИЕВСКОГО КАДЕТА

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ IV АРМИИ.

10 мая 1917 года. № 4653

На основании ст. 25 Георгиевского Статута, награждаю по удостоению Георгиевской Думы, Орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

Начальника Партизанского отряда, поручика Приморского драгунского полка, Виктора Милобенского, за то, что, в ночном бою 19 апреля 1917 года лично предводительствовал отрядом охотников и партизан, находясь под сильным и действительным огнем противника, и при сильном сопротивлении его, настолько очевидно способствовал своими распоряжениями

и действиями, победоносному успеху своего отряда, что без оных этот успех был бы невозможен.

Кроме того, вызвавшись охотником добыть пленных, произвел усиленную разведку сил противника, путем ночного штурма укрепленной позиции немцев, выполнив таковой с полным успехом, причем взял с боя сильно укрепленную деревню Болошкани и прорвался в тыл позиции противника, совершенно уничтожив 4-ю роту 256 германского полка, и захватив 3 пулемета.

При обстановке, исключительной трудности, и такой же опасности, отважной разведкой, во время боя, в расположении противника, доставил штабу IV ар-

мии документальные сведения о нахождении на фронте 218-й германской дивизии, чем опроверг сведения наших союзников о переброске ее на французский фронт.

НАБЕГ ОТРЯДА ПОРУЧИКА МИЛОБЕНСКОГО

в ночь с 19 на 20 апреля 1917 года.

В течении последних полутора месяцев на фронте Ирешти—Болотеочи, т. е. на участке правого фланга армии, никак не удавалось взять контрольных пленных, чтобы установить, какие немецкие части здесь находятся. Разлившаяся река Путна не давала воз-

Поручик Виктор Казимирович Милобенский, кадет Владимирского Киевского Корпуса, расстрелян коммунистами в июле 1919 г.

можности нашим разведчикам проникнуть к противнику, немецкие же разведчики за свою проволоку не выходили. Между тем, агентура упорно указывала на смену стоящего на этом участке Альпийского германского корпуса болгарами, и даже турками, и на ожидание этого корпуса прибытием на итальянский фронт. В то же время, пленные указывали на присутствие болгар и австрийцев у деревни Ирешти, против которой считался стык Альпийского корпуса и 218-й германской дивизии. Все эти показания, в связи с невозможностью добыть пленных войсковой разведкой, заставили прибегнуть к другому способу разведки, а именно к набегу на позицию противника.

Для производства набега, была назначена партизанская команда поручика Милобенского, который вызвался со своими людьми захватить пленных. Для усиления ее были вызваны охотники из частей 8-го корпуса. Вызвалось 11 офицеров и 323 солдата. Отряду

были приданы 6 пулеметов, из коих 2 были Партизанской команды и 2 — пулеметной команды Кольта. Отряд был широко снабжен ручными гранатами, ножами, ракетными пистолетами, телефонами и пр.

На основании личной рекогносцировки, поручик Милобенский составляет себе план действий: нечаянным нападением захватить пленных в передовых окопах у деревни Бетрени, а если это не удастся, атаковать следующую деревню, охватывая ее с запада. Отряд был разделен на три группы, с обеспеченной между собой связью. При первой группе должны были идти “поджигатели”, которые должны были зажечь хату в деревне Волошкани, дабы осветить местность и дать знать артиллерии, что отряд ворвался в Волошкани.

В тылу нашей позиции было найдено место, похожее на ту позицию противника, которую предстояло атаковать. Построили на ней проволочные заграждения, и начали упражняться в атаке ее. Главное внимание было обращено на бесшумную резку проволоки, причем, для того, чтобы разрезанная проволока не звенела при падении — применялся следующий прием: два охотника держали проволоку руками, а третий резал ее у кола. Делать это наловчились быстро. Сначала упражнялись днем, а затем сделали два упражнения ночью, после которых уже все люди твердо знали, что им надлежит делать.

Приказания поручика Милобенского были следующие:

- 1) Ити в полной тишине, — атаковать без крика “ура” и без выстрела.
- 2) Легко раненым из строя не выбывать, так как людей мало и каждый солдат дорог.
- 3) Раненым винтовок не бросать и нести с собой на перевязочный пункт.
- 4) Держаться ближе друг к другу и друг друга выручать.
- 5) Следить друг за другом, чтобы потом указать отличившихся.

Кроме того, поручик Милобенский взял со всех участников слово, что они не только раненых, но и убитых врагу не оставят. А того, кто, не дай Боже, панику поднимет, сосед должен прямо по голове прикладом — ибо один, поднявший панику, — весь отряд погубить может.

И все поклялись все это свято исполнить.

Ночи были лунные. Но, 19 днем, по небу пошли тучи и поручик Милобенский решил в ту же ночь сделать набег. В 2 ч. 10 м. луна скрылась и, собранный и подготовленный, отряд двинулся. В голове первой группы шел прапорщик Вишняков, за ним, гуськом, тронулся и весь отряд.

Тихо шли охотники, но, видимо, противник знал, что готовится на него нападение. Три ракеты взвились, одна за другой, и злобеще осветили местность. Охотники несли с собой связки зеленых веток, и при свете ракет ложились, выставляя эти ветки перед собой, почему ночью их легко было принять за кусты. Незамеченными добравшись до проволоки, они начали ее резать. Вдруг, справа из окопа, затрещал пу-

лемент. Тогда, видя, что охотники открыты, прапорщик Вишняков вскочил и охотники, забросав окоп ручными гранатами, начали резать проволоку, уже стоя во весь рост. Вишняков был, при этом, ранен в руку. Немцы ответили гранатами и завязался бой. Повалив колья, охотники ворвались в окоп. Тут был смертельно ранен прапорщик Вишняков, вскочивший первым и схвативший пулемет. Падая он крикнул: "Резь проволоку ребята, вперед!" Солдат — моданец Марок и канонир Казаков, вытащили его из окна, но силы его уже оставляли. "Прощайте ребята. Я умираю", — были последние слова доблестного офицера, вышедшего на войну солдатом-добровольцем.

Одновременно с первой, ворвалась в окоп и вторая группа, а начальник пулеметной команды, подпоручик Давыдовский, командовал "ставь пулеметы" и, под прикрытием открывших огонь, наших и румынских батарей, заработали наши пулеметы. Удачному огню пулеметов, содействовало их прикрытие — разведчики Модлинского полка, под командой подпоручика Ячного. Рассыпавшись правее пулеметов, они частым огнем пресекали все попытки противника атаковать наши пулеметы.

Между тем, рукопашный бой кипел в деревне Волошкани, куда, тем временем, ворвалась третья группа. Немцы оказали отчаянное сопротивление. Офицеры не сдавались. Один был заколот штыками, а другой, выпустив из своего маузера, девять, пуль, на глазах у всех, пустил себе десятую в лоб. Между тем "поджигатели" зажгли хату и первая группа вступила также в рукопашную. Немцы бились отчаянно, но и охотники дрались, как львы. Прагского полка, солдат Лавренко, на глазах у поручика Милобенского, действуя штыком и прикладом, убил шесть немцев, а когда у него сломалась винтовка, бросился на седьмого с кулаками... Два другие прагца, дерясь по всем правилам штыкового боя, разогнали группу человек в тридцать немцев, и овладели складом гранат, которыми и воспользовались в дальнейшем бою. На солдата Замосцкого полка, Лысого, наскочил немец и хотел пырнуть его штыком. Винтовка у Лысого была за плечами, так как он нес в руках гранаты. Лысый ловко бросился немцу под ноги, чем сбил его с ног, а затем ударил гранатой по голове. Граната не была поставлена на боевой взвод и он только разбил немцу череп. Отчаянно дрались и охотники Подольцы,

Житомирцы и Волинцы, а Прагского полка, ефрейторы Хрущ и Кривоногов, проявили особо выдающуюся отвагу и распорядительность. В итоге отчаянного рукопашного боя, задача, собственно, была выполнена — около 40 пленных было захвачено. Но преследование разбитого врага продолжалось. Загнанные в глубокий овраг и забросанные своими же, захваченными в бою, ручными гранатами, немцы были уничтожены до последнего человека.

Уже светало...

Надо было отходить, но разгоряченные люди, опьяненные успехом, не в силах были остановиться и добежали до дер. Калиманул. Немецкая артиллерия, в это время, сильно обстреливала дер. Волошкани, но когда охотники перерезали телефонный провод, огонь ее начал разбрасываться и стал менее действительным.

Стало совсем светло. Задрезала труба и уставшие охотники начали собираться на северной опушке деревни Калиманул. Рассыпавшись цепью, охотники двинулись на Волошкани, подбирая раненых, своих убитых и оружие. А немцы, в это время, вели заградительный огонь по подступам к Ирешви и путь отступления, охотникам, был отрезан стеной разрывов. Ни вправо, ни влево податься было нельзя, и пришлось идти прямо через заградительный огонь. Вот тут-то партизаны и их пленные, и понесли наиболее чувствительные потери. Из 40 пленных довели лишь 8 и то двух раненых.

Отряд собрался у дер. Мангачиул. Здесь поручик Милобенский лично выяснил потери отряда и проверил оружие. Получив затем приказание распустить охотников по полкам, сдал оружие и инструмент одному из офицеров, а сам с отрядом партизан отправился в штаб армии, увезя с собою и шесть пленных. Отряд потерял убитыми прапорщика Вишнякова и 18 солдат. 78 солдат было ранено. Захвачено 20 пленных и 3 пулемета. Масса оружия, снаряжения и патронов.

Организация этого набега — образец действия разведывательного отряда. Доблесть его участников была оценена, и они были щедро вознаграждены.

Со слов участников записал
подполковник Богословский
Сообщил Анатолий Непржецкий

Каска русского образца

(к заметке "О Русской военной форме" в № 20 "Военной Были")

В статье "О Русской военной форме", напечатанной в № 20 "Военной Были", опять допущена серьезная историческая ошибка, давно у нас укоренившаяся, а именно: в 1846 году, треугольные шляпы с султанами были заменены касками, но... не "прусского образца", а РУССКОГО. Этот факт был рассказан мне, ныне покойным, генералом Гудим-Левковичем, во время одной из его почевок у меня, и осмотра коллекций Русской старины, нам обоим столь до-

рогой. Специальностью покойного были военные формы: их история была известна ему до мельчайших деталей, собрание его оловянных солдатиков, в безошибочной форме, пользуется всемирной славой.

В тот вечер он, со всей присущей ему страстью и глубоким знанием предмета, подробно рассказал историю "каска", которую Русская пехота носила полтора десятка лет. К глубокому моему сожалению, многие подробности ускользнули из моей памяти, но, в

общем, рассказ заключался в следующем: “в самом начале сороковых годов прошлого века, Император Николай Павлович, при содействии, известного всем собирателям Русских военных гравюр, художника-любителя Льва Ивановича Кия, генерал-майора Свиты Его Величества, лично наметил вид нового головного убора, предназначенного на замену, действительно неудобных, во всех отношениях, треугольных шляп, назвав его каской. Для испытания, первыми одели каску — пажы первой роты (и носили они эти красивые каски до самого “конца”).

В июне 1843 года, Россию посетил брат короля Прусского принц Вильгельм (будущий германский император Вильгельм I); он был восхищен каской и просил Императора Николая отослать ее образец в Берлин, что и было исполнено. Через несколько времени, вся прусская пехота была одета в каски РУССКОГО образца и осталась им верной до конца первой мировой войны, до свержения императора Вильгельма II.

От себя добавлю, что форма каски, введенной Императором Николаем Павловичем, совершенно подобна

“курганным шлемам” древне-Русского типа X века. Надо вспомнить, что незадолго до “изобретения каски”, на поле памятной Липецкой битвы 1216 года, крестьянка, собирая орехи, увидела нечто светящееся из под кочки — это был позолоченный шлем, наложенный на кольчугу. На шлеме оказалась надпись: “Великий Архистратигже Господень Михаиле помози рабу своему Феодору”. Тогда были разбиты новгородцами князья Юрий и Ярослав Всеволодовичи; в то время, Русские князья, пользовались двумя именами — светским Русским и церковным греческим. Феодором звали князя Ярослава Всеволодовича и потому есть все основания предполагать, что шлем и кольчуга принадлежали именно ему. находка этого шлема, конечно, стала известна Императору и, под этим впечатлением, он нашел вид древнего Русского “шпишак” наиболее подходящим для головного убора своей пехоты.

Таким образом, миф о “прусском образце” должен, раз и навсегда, быть забыт.

Владимир фон-Рихтер

ФЕЛЬД - ЕГЕРСКИЙ КОРПУС

До самой революции 1917 года, в России существовала весьма оригинальная воинская часть, о которой очень много, даже военных людей, имело самое смутное представление. Это был, так называемый Фельд-егерский Корпус, подчинявшийся непосредственно Начальнику Генерального Штаба и несший совершенно особую службу. Она заключалась в доставлении по назначению важных государственных актов и секретных депеш внутри Империи и за границу, а также сопровождение членов Императорской Фамилии и иностранных принцев, в их путешествиях. Фельд-егеря несли также дежурство при высокопоставленных особах и государственных учреждениях.

Фельд-егерский Корпус был образован при Императрице Екатерине Великой, в 1796 году и его назначение было выполнять обязанности государственных курьеров при Высочайшем Дворе. По началу, он состоял из 1 офицера и 13 фельд-егерей. Постепенно, по мере надобности, увеличиваясь, он, в конце царствования Императора Николая I, достиг состава в три роты, при 22 обер-офицерах и 1 штаб-офицере.

Шесть лет службы в звании фельд-егеря давали право на увольнение с чином XIV класса и на определение на должность по Почтовому ведомству. Девять лет давали право на чин XII класса.

С развитием телефонной и железнодорожной сети, потребность в фельд-егерях значительно уменьшилась, почему в 1891 году был издан приказ по Военному Ведомству № 377, согласно которому, новое положение о фельд-егерском корпусе определяло состав его в 40 офицеров и 20 фельд-егерей.

Согласно уставу корпуса, фельд-егерь, доставив-

ший депешу Высочайшей Особе, должен был, преклонив колено, вручить адресату ключ от особого футляра, в котором находилась депеша и, который висел на груди фельд-егеря. При отправлении депеш, ключ вручался фельд-егерю в “знак Высочайшего к нему доверия”. Так как помимо коленипреклонения, фельд-егерям давались обыкновенно и “чаевые”, то в 1858 году сочтено, что служба эта унижительна для лиц благородного происхождения, почему в чины Корпуса впредь было запрещено принимать лиц из потомственного дворянства. Кандидатами в фельд-егеря, с этого времени, стали принимать преимущественно сыновей купцов и почетных граждан, окончивших учебное заведение не ниже третьего класса и знающих один из иностранных языков, в возрасте от 18 до 27 лет и политическая благонадежность которых была вне сомнения.

Чины в Корпусе были: кандидат на фельд-егеря, младший и старший фельд-егеря и, офицеры Корпуса, начиная с подпоручика до подполковника (чина еще не дающего потомственного дворянства). Начальником Фельд-егерского Корпуса назначался всегда полковник Генерального Штаба. После шестимесячного испытания, кандидат зачислялся в младшие фельд-егеря с правами нестроевого старшего разряда, через год производился в старшие фельд-егеря, с правами кандидата на классную должность. В офицеры, старшие фельд-егеря производились по прослужении не менее четырех лет в должности. Офицеры Корпуса, имея все офицерские права, однако, не имели права переводиться в войска.

До реформы 1907 года, форма Фельд-егерского Корпуса была: мундир пехотного образца, при синих брюках, черная фуражка с красными кантами, крас-

ные погоны, петлицы и канты, шапка, шпоры и золотые аксельбанты. После реформы, фельд-егеря получили погоны, петлицы, канты и околыши — кирпичного цвета и пехотная шапка была им заменена кавалерийской саблей. Кандидаты в фельд-егеря носили офицерскую форму и шинель при шапке, но без погон и кокарды. Фельд-егеря — офицерскую форму и погоны подпоручика. В районе столицы, фельд-егеря ездили по службе, на казенных извозчиках без номера. Штаб Фельд-егерского Корпуса помещался в казармах Местных войск, на Гороховой, перед Обуховым мостом. Последним начальником его был генеральный штаба полковник А. Д. Носов.

Служба фельд-егерей нашего времени сводилась почти к придворной традиции, вроде существовавших при Дворе, скороходов, но, в начале прошлого века, в особенности в царствование Императора Николая Павловича, чины Корпуса несли чрезвычайно тяжелую и ответственную службу. Помимо своего прямого назначения, они, в это царствование, часто выполняли обязанности конвойных при административно высылаемых из столицы, нежелательных правительству, лицах. Выражение “быть высылаемым с фельд-егерем”, значило, покинуть Петербург в кратчайший срок, когда давалось лишь полчаса для сбора необходимых в дорогу вещей.

В виду того, что в эту эпоху, все сообщения внутри империи сводились к почтовой гоньбе, — фельд-егерям, которыми любил пользоваться, для скорости Император, приходилось, днем и ночью, покрывать сотни и тысячи верст, при любой погоде и, зачастую при совершенном бездорожьи. Согласно закона, содержатели всех почтовых станций России обязаны были держать круглые сутки, наготове, несколько специальных троек из лучших лошадей, именовавшихся “фельд-егерскими”. Этих лошадей, получавших особый корм, никому и ни при каких обстоятельствах, смотрители не имели права давать, помимо их прямого назначения, так как, в любую минуту, при появлении фельд-егеря, кони эти должны были скакать с ним сломя голову, не взирая ни на погоду,

ни на состояние дороги. Гоньба эта была такова, что большинство лошадей ее не выдерживали и проезд по тому или иному тракту фельд-егеря — знаменовался десятком загнанных и навших з пути коней.

Все служащие на почтовых станциях, как огня, боялись фельд-егерей, которые, по обычаю того времени, для поощрения смотрителей и ямщиков, прибегали к жестокой кулачной расправе, на которую жаловаться и искать управы, было некому и негде, так как чины Фельд-егерского Корпуса принимали особую присягу “выполнять службу Его Величества по мере сил и способностей”, что в те времена понималось очень широко.

“Подорожные”, то-есть документы на право проезда по почтовым трактам, в старину, разделялись на четыре категории, а именно: на подорожную простую, выдававшуюся обыкновенным проезжим, на подорожную “с перышком”, указывавшую на проезд по казенной надобности, — “с двумя перышками” — для курьеров, и, наконец, “с тремя перышками” или фельд-егерскую.

Само собой разумеется, что, в ту эпоху, в фельд-егеря люди выбирались по особому и строгому подбору, испытанной верности, богатырского сложения и невероятной физической выносливости, по большей части из унтер-офицеров гвардейской кирасирской дивизии. Путем долгой и трудной тренировки, из фельд-егерей вырабатывались люди, творившие настоящие чудеса выносливости, выполняя царские поручения, с волшебной, для того бездорожного времени, быстротой. Примером может служить любимый фельд-егерь Императора Николая I — Серков, который за тридцать часов поспевал из Петербурга в Москву, и при этом, никто его сопровождать не был в состоянии, не потеряв сознания. При Александре I, такой же репутацией пользовался поручик Корпуса фельд-егерей, Мосягин, разбившийся в одну из служебных поездок, под Таганрогом, перед смертью Государя Александра I.

Сообщил *Анатолий Марков*

Александровское военное училище

Александровцы лихие,
Шлют привет своим друзьям,
Вспоминают дни былые
И завидуют всем нам...
Александровец не тужит,
О знакомых и родных,
ЦАРЮ верой-правдой служит,
Жизнь готов отдать за них.
Александровцы теснее
Вокруг древнего Кремля,
За ЦАРЯ, за РУСЬ, дружнее,
Грядем русское “УРА”...

В 1863 году, вследствие предпринятых коренных реформ военно-учебных заведений, при отделении

старших классов кадетских корпусов от младших (общих) классов, были образованы особые специальные учебные заведения — военные училища и в числе их АЛЕКСАНДРОВСКОЕ. (Высочайшее повеление 25-го августа 1863 года). В эти училища должны были поступать воспитанники, успешно окончившие средне-образовательный курс общих классов кадетских корпусов, вскоре преобразованных в военные гимназии.

Александровское военное училище, которому в 1864 году присвоено название 3-го, было открыто осенью 1863 года, в здании Александровского Сиротского кадетского корпуса, кадеты из которого были переведены тогда же в другие корпуса. Сохранив навсегда преемственную связь с Александровским кадетским корпусом, новое военное училище унаследо-

вало так же очень многое и от, упраздненного тогда же, Александровского (Брестского) кадетского корпуса. Знамя и другие почетные реликвии этого корпуса только в 1909 году были переданы существующему с 1873 года Александровскому кадетскому корпусу в С.-Петербурге.

При коронациях, открытиях памятников, на всех Высочайших смотрах, маневрах в Ходынском лагере, Александровцы всегда блистательно выступали и удостоивались Монаршего благоволения.

Училищу пожалованы мундиры Державных Шефов: в 1881 году — имп. Александра II, и в 1894 году императора Александра III. С 2-го ноября 1894 года Державным Шефом училища состоял Государь Император Никола II, а с 1908 года, в списках Александровского Военного училища числился Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич.

При выпуске в офицеры, наиболее успешно окончившие курс, юнкера Александровского военного училища ежегодно награждались премиями (Эпельгома, Воейкова, Ушакова, Шильдбаха, Офросимова и др.), хотя не особенно больших размеров (от 100 до 200 рублей каждому). Кроме того, были приняты меры к обеспечению быта недостаточных александровцев и в приказе по Военному Ведомству 1909 г. № 498, по случаю установления старшинства училища с 2-го октября 1830 г., т. е. дня учреждения Александровского Сиротского кадетского корпуса и Александровского Военного училища, а также с целью установления наружного корпоративного отличия, связующего братскими узами всех питомцев заведения, было предложено училищу, для образования фонда на учреждение стипендий, предназначаемых на воспитание детей Александровцев в кадетских корпусах, раздать своим бывшим воспитанникам особый знак (белый круглый щит с 4 эмалевыми выступами, занятыми кадетским гербом, а в середине — пеликан, эмблема Александровского Сиротского института, с обозначением юбилейных годов 1830—1851—1863).

3-е Александровское военное училище Высочайше повелено именовать просто Александровским военным училищем, после преобразования 2-го Константиновского училища в Константиновское артиллерийское училище (приказ по Военному Ведомству 1894 г. за № 188). Штатный состав Александровского военного училища был 600 юнкеров, разделенных на 5 рот (приказ по Военному Ведомству 1910 г. № 205).

В классах Александровского военного училища читали лекции многие известные не только Москве, но и всей России профессора, как-то: Ключевский, Чупров, Перевальский, Иванцев-Платонов, Симанский, Смысловский и другие. Во главе училища стояли выдающиеся начальники-генералы: Шванебах, Самохвалов, Анчутин, Лайминг, Геништа и другие.

На месте училищного здания был когда-то владимирский дворец царя Ивана Васильевича Грозного, впоследствии переданный графу Апраксину.

На своей родной Знаменке поселились Александровцы в 1851 году, когда Александровский Сиротский

кадетский корпус, учрежденный Императором Николаем I, 6-го декабря 1830 года, перешел в Москву.

Училище, усердно подготавливая будущих офицеров, для служения их Царю и России, существовало вплоть до нашей смуты, когда, в конце октября 1917 года, все училище храбро защищало Москву от захвата ее кровавыми насильниками-большевиками.

31 января 1919 года, в Добровольческой армии училище вновь возродилось трудами и энергией генерала А. А. Курбатова. Подготавливая для армии офицеров, оно одновременно принимало деятельное участие в боях, получив серебряные трубы с Николаевскими лентами, пожалованные в 1920 г. ген. бар. Врангелем батальону юнкеров, под командой полковника Хампина, за десантную операцию на полуострове Тамань. “В воздаяние военных доблестей, отменного мужества и беззаветного самоотвержения”.

Немало Александровцев погибло на полях сражений смертью героев и влило новые лавры в победный венок нашей военной истории. Очень многие совершили подвиги на войнах 1877/78 г. г., Русско-Японской и Великой Войне 1914-17 г. г. и украсили своими именами мраморные доски Училища, с фамилиями Георгиевских Кавалеров. Подвиги Александровцев не предаются забвению... Среди них нужно отметить ген. от-инфантерии Ник. Ник. Юденича — героя Сарыкамыш и Эрзерумской операции, ген. шт. ген. Н. Н. Духонина — последнего верховного главнокомандующего, убитого на своем посту и многих других.

В моем родном, 6-м Сибирском стрелковом полку, было со мною, самым младшим по выпуску (выпущен из военного училища подпоручиком 1-го октября 1914 г.) из нашего Александровского Военного училища, пять человек.

Четверо — поручик Андреев Вячеслав, подпоручик Мосидзе и подпоручики — Волков и Змиевский (вып. 12 июля 1914 г.), были убиты героями в боях под Варшавой и на Бзуре, под Боржомовом, и Балимовым (могилы двух последних у госп. дв. Чернова-Нива). Я же, младший по выпуску, был неоднократно ранен и выжил, только благодаря святым молитвам матери...

В Зарубежье существовали, до последнего времени, Общества б. питомцев училища. В г. Харбине Александровцев — 44 человека, объединял ген. шт. ген.-лейт. Я. М. Ларионов (вып. 1881 г.), а в Шанхае председателем Об-ва, в котором было более 20 человек, был старейший Александровец, ген.-лейт. Г. П. Жуков (вып. 1882 г., Оренбургского каз. войска).

Праздник училища — 23-го апреля ст. ст. — был установлен, как старый праздник Александровского-Брестского кадетского корпуса, который был основан для детей русских офицеров и чиновников, служивших в Западном крае и затем, в 1851 г., после Венгерского похода, этот корпус был переведен в Москву и переименован в Александровский Сиротский кадетский корпус, в честь св. мученицы царницы Александры, имя которой носила Государыня Императрица — супруга Императора Николая I.

Сама Императрица принимала деятельное участие в попечении о сиротах этого корпуса, чему свидетельствовало богатое серебро, подаренное Ею корпусу. Наследник Цесаревич Александр Николаевич был зачислен в списки корпуса и на здании корпуса были помещены эмблемы призвания детей — пеликан, кормящий своих птенцов и выдергивающий свой пух, чтобы им прикрыть гнездо.

В Добровольческой Армии, после ряда переформирований, училище снова получило в Галлиполи свое старое название Александровского военного училища, с добавлением имени генерала Алексева — в память воссоздателя Русской Армии.

В 1921 году училищу были возвращены вензеля Императора Александра II, как принадлежность его формы.

Ежегодно, в праздник блистательного Александровского военного училища, александровцы собираются вместе, чтобы в дружеской беседе, после молебнопанихиды, вспомнить добрым словом родное училище на Знаменке и всех александровцев, в рассеянии существ, или в неволе изнемогающих. Всем им с их семьями, наш братский, сердечный привет.

Пусть помнят и верят, что с Божьей помощью, еще послужим и будем нужны национальной России.

Леонид Сейфуллин

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

ЕЛИСАВЕТГРАДСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Приказом по Военному Ведомству от 28-го мая 1858 года, за № 144, Государь Император в 22-й день сего мая, утвердив Положение о кавалерийском училище, в городе Елисаветграде, ДЛЯ ОФИЦЕРОВ войск, находящихся в ведении Командира Отдельного резервного Кавалерийского Корпуса, повелеть соизволил: положение это, в виде опыта, утвердить на 4 года, открыв училище в нынешнем же году, после летних занятий войск.

Штатная ведомость: обучающихся офицеров, в чинах от корнета до ротмистра включительно — 32.

Извлек Владимир фон-Рихтер

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ

Император Павел I упрекал купеческую делегацию, представлявшуюся ему, и сказал им, что “купцы его не любят”. На это, разумеется, последовали отчаянные заверения в противном и вопросы — откуда Государь это взял? На это Император ответил им, что купцы между собой стакаются, монополизируют товары и берут с народа цены втридорога.

— Значит вы не любите моих подданных, — сказал он, — а кто не любит моих подданных, тот не любит и меня. Таким образом, если хотите, чтоб я был уверен в любви вашей ко мне, то любите моих подданных и будьте к ним человеколюбивее, совестнее, честнее и снисходительнее. Этим одним вы докажете любовь вашу ко мне и заслужите от меня благодарение.

Эти немногие слова произвели такое впечатление на купцов петербургских, что с самого того времени все товары стали (на все время царствования Павла Петровича) дешевле, и жить сделалось в Петербурге не так дорого, как было прежде.

Раз как то, Император Павел, в первые годы своего царствования, увидев пару красивых упряжных лошадей, заметил, что лошади эти много бы выиграли в своей красоте, ежели были бы в немецкой упряжи.

Узнав об этом, петербургский генерал-губернатор Архаров, по чувству бессмысленного рвения, отобрал подписки у всех петербургских жителей, чтобы никто не ездил иначе, как в немецкой упряжи, о чем дал знать и брату своему, второму московскому генерал-губернатору, который отобрал такие же подписки у жителей Москвы, не спросив даже, предварительно, у старшего тамошнего генерал-губернатора, князя Юрия Владимировича Долгорукова. Старик обиделся и написал о том Государю. Получив письмо, Павел I приказал Архарову немедленно просить прощения у князя Долгорукова.

— “Смотри, — сказал он посылаемому адъютанту своему, Кутлубицкому, чтобы одна твоя нога была здесь, а другая в Москве. Вся Россия собирается в Москву к моей коронации, а архаровцы эти устраивают мне тут медвежью услугу, заставляя всех переделять упряжь”.

Сообщил А. Г.

КОРПУС МОРСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ

25 апреля 1754 года, указом Императрицы Анны Иоанновны, учрежден корпус Морской Артиллерии “для лучшего порядка в артиллерии”. Первыми морскими артиллеристами в России были иностранцы, или солдаты бомбардирской роты Преображенского полка. Появление их совпадает с первыми азовскими походами в 1696 году, а в 1714 году Петром Великим была открыта морская артиллерийская школа, куда принимались “шляхетские дети” и лучших учеников выпускали подконстапелями. Со смертью Петра, был учрежден отдельный корпус с цейхмейстером морской артиллерии, который назначал офицеров на суда, на нем лежала обязанность заботиться, чтобы все суда были в достаточной мере вооружены, чтобы арсеналы и склады были полны артиллерийскими запасами и пр.

В 1810 г. Корпус был разделен на бригады и состоял из 330 офицеров и 6.000 нижних чинов. В 1846 г. чины корпуса вошли в состав флотских экипажей и стали нести общую службу.

Сообщил А. Г.

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

Б. М. Кузнецов. — “В угоду Сталину”
Годы 1945-46. Часть 1-я

Этот, весьма ценный в историческом отношении, сборник выпущен братьями Б. М. и Г. М. Кузнецовыми (оба кадеты Орловского-Бахтина кад. корп.), к 10-летней годовщине насильственной репатриации русских военно-пленных из лагеря Платтинг, происшедшей 24 февраля 1946 года. Он состоит из очень тщательно собранных человеческих документов и документов официальных, относящихся к этому трагическому событию. Выписки из дневников, свидетельства, показания и записи отдельных лиц (особенно потрясающие записки генерала М. А. Меандрова, казненного вместе с генералом А. А. Власовым), чрезвычайно ярко рисуют Платтингскую трагедию, происшедшую на глазах равнодушного мира в 1946 году, а также и высоту духа, проявленную многими простыми русскими людьми, пострадавшими за Правду.

Книга напечатана ротаторным способом, с исключительной тщательностью и аккуратностью. Она прекрасно сброшюрована и заключена в художественную обложку. Во Франции, книга продается в книжном магазине “Кама”.

Г. М.

П. Н. Богданович. — “Аракчеев, граф и барон
Российской Империи”

Под таким заглавием издана в Буэнос-Айресе и

появилась в продаже, книга полковника генерального штаба Павла Николаевича Богдановича. Целью автора было познакомить интересующихся с малоизвестными сторонами жизни и деятельности графа Алексея Андреевича Аракчеева, прошедшей через четыре царствования: Императрицы Екатерины II и Императоров Павла I, Александра I и Николая I. Книга написана хорошим русским литературным языком, и снабжена многими документальными данными, касающимися жизни и деятельности “единственного русского вельможи” того времени. В ней приведена переписка дипломатических представителей разных стран со своими правительствами. Эти переписки рисуют облик графа, известного нашей широкой публике, как тупого, ограниченного и жестокого до зверства, совсем в другом виде и ином свете.

“Аракчеев ждет своего историка”, — пишет автор и безусловно, неблагодарный труд внести исторический корректив, и обелить личность “без лести преданного”, который взял на себя автор, послужит будущим историкам для выяснения причин травли и ненависти к Аракчееву. В свете правдивой исторической картины, портрет этого создателя русской артиллерии и верного слуги своих Императоров, войдет в историю в более точном и беспристрастном виде.

М. П. Мышкин

Почтовый ящик

В рассказе Г. Д. Гребенщикова “Во дворце Великого Князя”, помещенном в № 18 журнала “ВОЕННАЯ БЫЛЬ”, приводится неправильное заключение о происхождении названия города Владивосток. Подобно “Владикавказ”, название Владивосток обозначает “владей востоком” и не имеет никакого отношения к имени Великого Князя Владимира Александровича. Если бы город был назван в честь Великого Князя, он носил бы имя Владимирск или Владимироград, подобно городу Павлодар, названному в честь младшего сына Императора Александра II, Павла Александровича. Могу дать справку о смерти Великого Князя Владимира Александровича. Он скончался в 1909 году.

Очень буду признателен за помещение моей поправки в очередном номере “Военной Были”.

Князь Никита Александрович

В очерк А. Геринга “ПЕТРОПАВЛОВСК”, в № 16 “Военной Были”, вкралась неточность: линейный корабль “ПЕТРОПАВЛОВСК” был спущен на воду не в сентябре, а 27 августа 1911 года.

Контр-адмирал Машуков.

От Редакции

В № 20 нашего журнала, по недосмотру корректора, пропущена подпись нашего талантливого сотрудирика Н. М., под стихотворением “Создателю былин о Микуле Буяновиче”, посвященным юбилею Г. Д. Гребенщикова. Выражая искреннее сожаление о случившемся, Редакция просит господ читателей проставить под указанным стихотворением, подпись “Н. М.”.

Председатель Общества Константиновцев - артиллеристов в Нью-Йорке, просит всех Константиновцев, где бы они не находились в настоящее время, откликнуться, сообщив свои адреса и год выпуска по следующему адресу: 556, West 140 street Ap 47 New-York 31. U.S.A.

Полковник Митрофан Михайлович Чайковский, курсовой офицер 1-й батареи Конст. Артил. Училища, выпуска 1899 года.

Объединение бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища. Председатель Объединения полковник Сергей Александрович ТОПОРКОВ. Секретарь: капитан Николай Владимирович ГЛАВАЦКИЙ. Справки и переписка по адресу: 6, rue Voisembert, Issy-les-Moulineux (S.). France.

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из животворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, бессонницы и в некоторых случаях повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire M. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16^e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

«ВЕСТНИК ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ».

Принимается годовая подписка, на шесть номеров в год.

Стоимость — 300 фр. с пересылкой во Франции, колониях и европейских странах.

В странах заокеанских — 90 амер. центов.

Обращаться по адресу: А. А. Геринг.

61, rue Chardon-Lagache, Paris (16).

„МОРСКИЕ ЗАПИСКИ“

издаваемые Обществом Офицеров Российского Императорского Флота в Америке, под редакцией старш. лейт. барона Г. Н. Таубе

Вышел и разослан подписчикам

№ 2/3 (42), т. XIV, 1956 г.

Подписная цена — 3 долл. в год.

Представитель на Францию: кап. 2 р.

В. В. Скрябин.

Обращаться по адресу:

38, Bd de la République, Boulogne s/S.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

	Фр.
Н. Воронович — Вечерний звон (очерки прошлого 1891-1917)...	600
Н. Воронович — Русско-японская война (воспоминания)	250
Н. Воронович — Всевидящее око (из быта Русской армии)	250
Ю. Н. Данилов — Русские отряды на французск. и македон. фронтах	350
А. Балашев — Для немногих (стихи) 2-е изд.	400
«Свободная Россия», журнал	200
«Русский Журнал» № 1	75

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получить:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16^e) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у Б. Н. Ширяева — Casa Postale, 102, San-Remo, Italie.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Кутора — 1538, Steiner, San-Francisco, 15.

Канада — у А. С. Орлова — 224, Doverscourt R-d Toronto (ONT).

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косса — 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Tunnel a Santa Ines, Villa Nina Caracas.

„ЧЕСТЬ“

книга Георгия Ишевского, издание Обще-Кадетского Объединения. Художественное описание жизни и быта Симбирского кадетского корпуса. Цена: во Франции и соседних странах — 700 фр. В странах заокеанских — 3 дол. Книга продается в редакции журнала и в Русских книжных магазинах.

А. БАЛАШЕВ — ДЛЯ НЕМНОГИХ

Сборник стихотворений. Второе издание.

Чужбина. 1956 год.

Стоимость с перес. — 1 амер. долл. Для Франции — 400 фр. фр. Склад издания — 61, rue Шардон-Лагаш, Париж (16).

